

Виктор Мишин

СОЛДАТ



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Виктор Мишин

Солдат

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мишин В. М.

Солдат / В. М. Мишин — «АСТ», 2017 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-982418-3

Александр Иванов приходит в себя в медицинском обозе. Вокруг множество раненых в старой форме Красной Армии. Вопросы: что, где и когда – сразу отпадают. Да, это СССР образца сорок второго года. Решение Александра простое – он хочет воевать против гитлеровской Германии как обычный солдат, вместе с предками. Выйдя из окружения под Харьковом, Александр сумел остаться в действующей армии, и в сентябре 1942 года оказывается в городе на Волге, во время самых жестоких боев. Как поведет себя мужчина двадцать первого века? Сможет ли принять действительность такой, какая она есть, и встать плечом к плечу с дедами? Или побежит в Москву с криками, что он все знает?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-982418-3

© Мишин В. М., 2017
© АСТ, 2017

Виктор Мишин

Солдат

© Виктор Мишин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону

Защитник Сталинграда

Там, возле здания Госбанка,
Там, через площадь Января
Под ливнем пуль ты не сгибался,
Ты шел упрямо на врага.

Там, где Курган сейчас зеленый
И Монумент большой стоит.
Там красным было все от крови,
Друзей на нем ты хоронил.

Там падал в грязь и снег лицом,
И бил штыком, стрелял из автомата.
Ты мир принес нам в каждый дом,
Ведь ты – защитник Сталинграда!

«А-а-а! Вашу в транспорт. Какого хрена. Что со мной, а-а, сейчас сдохну. Блин, башка, наверное, лопнет сейчас. Что так гремит-то? Кто орет?»

– Синицын, чего с ним?

– Так танк взорвался рядом, товарищ лейтенант. Он рядом с той копной лежал, где Федоренко спрятался. Как его осколками не посеколо, вообще непонятно. Там куда чего летело, в него ни хрена не попало.

– Отставить словоблудие, тащите его к санитарам. Пусть глянут, у нас бойцов почти не осталось, а он вроде не раненный, пусть посмотрят – живой или нет?

– Ясно, товарищ командир.

Какие в дупу командиры, товарищи? И блин, зачем они так орут? – я сжался в комок, но распрямился почти сразу и резко. Рвало меня, наверное, целую вечность.

«Кто я?» «Где я?» «На хрена я?»

Сколько прошло времени, не знаю. Меня постоянно куда-то волокли, лишь вздохнул свободно, когда ночью на что-то положили, после этого была лишь легкая тряска. Вот же ж какая засада, что же со мной все-таки? Ехал вроде на машине, куда... нет, не помню, очнулся – грохот и боль в голове. Люди какие-то странные вокруг. Кричат, ругаются, немцев матом кроют... так, стоп, походу, приехали. Точнее, я и приехал. Маму вашу в транспорт, в общественный. Я что, гребаным попаданцем заделался? Ё!.. Так, что-то тот, которого называли Синицыным, говорил про взрыв. Танк рядом со мной подбили, а меня не задело, голова раскалывается, наверное, контузия. Черт, а болит и правда очень сильно. Значит, буду считать, что я именно «попал». Причем туда, куда давно мечтал, не, ну а что?

Зовут меня Александром, фамилия моя, ага, самая что ни на есть русская, Иванов я. Мне двадцать восемь лет, в прошлой теперь уже жизни просто жил, не выделяясь и не мешая другим.

Сколько в той жизни сталкивался с людьми, мечтающими об Отечественной войне? Да очень часто. В том мире, мире без войны и особых проблем, люди жаждали приключений. По телевизору, в Интернете, одна сплошная фигня, прошу прощения – толерантность. Смартфоны-покемоны, Дом-2 или 5, не знаю, как правильно, какой по счету. Фильмов хороших нет, музыки нет, работы тоже почти нет, зато есть санкции и кризис. Последнее вообще штука

заразная оказалась. На работе делаем то же, что и раньше, в тех же объемах, почти с неизменными ценами, а зарплата каждый месяц все меньше. Начальство в ответ на вопрос отвечает просто – а чего ж вы хотите-то, кризис в стране. Хоть смейся, хоть плачь.

Опять где-то что-то рвануло, значит, все-таки война. Веселуха, конечно, сомнительная, но что-то мне подсказывает, что мое место именно тут. Столько раз задумывался, а смог бы жить в эпоху Сталина, Берии и других членов группировки КПСС? А вот и посмотрим, если не грохнут, пока не встану на ноги, потом уж я постараюсь выжить. Что делать, пока не знаю, но здесь я задержусь. Я обычный русский мужик из средней полосы России. Никаких особых знаний или умений. Есть, правда, одно «но», читать люблю и делаю это с удовольствием. Работал на производстве, во время работы восемь часов в наушниках слушаю аудиокниги, вечером и в выходные читаю с экрана. Слышал частенько, как люди выделываются: читаю только на бумаге, настоящая книга только в бумаге. Ну а я попроще, читаю со смарта, с планшета, с ноута, да по хрену с чего, была бы книга интересной. Так вот, увлекся слегка, благодаря чтению имею неслабый багаж знаний, да, теория, но практика штука наживная. Знания, конечно, далеко не профессорские, но и не детский сад. Знаю многое, не раз друзья и знакомые удивлялись: откуда ты столько знаешь? Часто приходили за советом. Хотя, если честно, советы давать не люблю, считаю, что спрашивают совета для того, чтобы ему не следовать.

Двое суток мы едем куда-то на восток, определяю по встающему утром солнцу. Везут меня и еще четверых на телеге. Пробовал скосить глаза, разглядел только соседей справа и слева, те в кровище лежат, хоть и замотанные, как мумии, даже как-то стыдно. У меня уже и руки стали работать, но как будто не мои. Пытаюсь сжать кулак, а пальцы лишь скрючиваются, как у калеки. Ноги просто гудят, вставать не пробовал, да и никак. В повозке встанешь, тут и свалишься. Постоянно люблюсь только на конский хвост и на то, что периодически из-под этого хвоста валится, а вонища-то какая! Да, изнежен чересчур человечек из двадцать первого века. Что мы знаем там об этой войне? Как драпали сначала, потом «научились» наконец воевать, и айда, в Гейропу. Страшный сон бесноватого воплощать в реальность, баба рулит Германией, а коренных немцев в три раза меньше, чем турок! А война она вон какая, грязища, звиздец, не представляю, как тут вообще передвигаться можно. Бойцы, что идут вокруг нескольких телег с ранеными, просто тонут в грязи. Постоянно вижу и слышу, как, чертыхаясь, падает то один, то другой. Дождь только кончился, пару часов всего прошло, тучи не расходятся, может полить в любой момент. Лесов здесь нет, сплошные поля, не ровные, чувствую, как телега то вверх идет в гору, то чуть ускоряется, на спуске. По разговорам улавливаю суть, мы опять отступаем. Дали нам транды по-хорошему, вот и драпаем, узнать бы хоть, какой год-то сейчас.

Откуда-то появился нарастающий гул, непонятно на что похожий, но все как-то засуетились. Слух вроде приходит в норму, разговоры над головой не воспринимаются ором, поэтому прислушиваюсь.

– Воздух! – Как призывно-то, какой воздух?

Вокруг слышалась возня и редкие команды. Чуть поднимаю голову и вижу, как вся толпа, что шла с обозом, прыснула в разные стороны. Возница подстегивает старую клячу, что тянет нашу телегу, кнутом, и тут раздался он... Вой с неба был настолько громким и противным, что шея невольно втянулась в плечи. Так вот что такое «лаптежник», заходящий на бомбометание, бляха, страшно-то как... Перевалился через борт телеги прямо на ходу. Больно ударившись о землю, загребая руками и ногами, отползаю в сторону. В нескольких метрах виднелась расщелина, может овражек небольшой, туда я и двинул. От разрыва первой бомбы меня подкинуло на полметра. Грохнувшись, попытался оглядеться, но боясь не успеть доползти, бросил это занятие. Вот она, спасительная расщелина. Утрамбовался так, что не вижу ни хрена вокруг, в глазах песок, во рту грязь. Тьфу ты, хрен отплюешься теперь. Между тем грохот и взрывы продолжались, землю трясло так, что та передавала часть энергии взрывов на меня. Боль не

такая, что не вынести, но приятного мало. Земля, казалось, летела отовсюду, даже горизонтально. Когда вокруг стихло, я не заметил, видимо опять отключался. Выполз из ямы, когда уже смеркалось. Вокруг была небольшая суета, соскребали убитых, перевязывали недобитых. С грустью отметил, что телег у нас больше нет. Разглядев бывшего возницу с «моей» телеги, поковылял к нему.

– Бать, есть закурить, – спросил первое, что пришло в голову.

– Держи, только спичек нет, – не поднимая головы, ответил водитель кобылы. Взяв у него кисет, развязал тесемку и заглянул внутрь. Хорошо, даже бумага заготовлена. Свернул «ножку» и закурил. Спички я давно в кармане нашел, а вот кисета не было, жить – хорошо!

– Дай «добью», – обратился возница. Я протянул ему с начала его же кисет, сделав пару затяжек, передал и самокрутку. Боец глубоко затянулся и крикнул от удовольствия.

– Хорошо пошла, – констатировал он.

– Точно. Куда идем-то, известно? – решил забросить удочку я.

– Теперь уж и не знаю, куда пойдем. Убило при бомбежке и командира, и старшину. Шли на восток.

– Понятно, что не на запад. Где мы хоть примерно-то, ни хрена не помню, что случилось. Очухался у тебя в повозке.

– Так Дон где-то недалеко на северо-восток. А приложило тебя еще под Лозовой. – Черт, ни фиги не ясно, может, как сорок первый быть, так и сорок второй.

– Дед, а бумаги нет? А то неудобно курево у тебя «стрелять» постоянно, так хоть бумага своя будет. Разбогатею – отдам.

– Вон полстранички от газеты осталось, бери, табаку-то отсыпать?

– Спасибо. И так как попрошайка. Табак-то, может, у кого найду, а вот с бумагой труднее.

– Это точно, – кивнул возница и отдал мне газету. Меня интересовала только дата сверху. 21 мая 1942 года, вот так, значит, вышли из котла под Барвенково, ну хоть что-то теперь знаю. Неизвестно, сколько мы тут болтаемся, но думаю, что сейчас июнь, а может и июль, жарко уж больно.

Если и правда уже второй месяц лета, то фрицы сейчас будут жать нас за Дон и сразу двинут к Волге. Если раньше не хлопнут, значит, могу встретить своего деда в городе на Волге. Шучу, конечно, где я тут его встречу. Да и в госпиталь он попадет скоро, с первым ранением. А меня, наверное, с остатками роты, в которую я «попал», отправят на переформирование. Ну, это в идеале, конечно, скорее просто вольют в какую-нибудь часть, да и все. Возница сказал, что от роты осталось двенадцать человек. Теперь вот еще и оставшихся командиров выбило.

Так, рассуждая, я бродил среди убитых под бомбежкой. Пару раз рвало, даже не знаю и чем, ел-то последний раз, не знаю и когда. Блевал от вида растерзанных тел. После бомбежки вокруг одни фрагменты. От лейтехи вон одну изуродованную голову опознали с частью груди и левой рукой, где остальное – фиг его знает. Старшине вот повезло, целым похоронили, осколок в грудь, как санитар сказал: «Прямо в сердце, умер сразу».

Погибших похоронили по-человечески, в сторонке от полевой дороги. Разве что без гробов и сапогов. Отступали мы сборной солянкой, из трех разных частей были бойцы. Всего от бомбежки погибло восемнадцать человек, раненых куча, а таких как я, целых, всего трое. Нашел себе винтовку, патроны. Патроны были в подсумках на ремне, а сам ремень валялся просто на земле, чей он – неизвестно. Нашел сидор, в нем портянки, дойдем до воды, надо постирнуть. Фляжку ранее взял из кучи, что набралась после похорон павших. В сидоре был кисет, и в нем даже осталось немного табака. Каску взял, нашел неплохой перочинный ножик, вот в принципе и всё. Хотел еще наган взять, видно от лейтехи остался, так он с поврежденным стволом оказался. Вообще, такое впечатление было, что бомба прямо в командира попала, надо же так разорвать...

Ужас и страх царил в глазах этих голодных людей, что пережили сначала разгром на позициях, а теперь вынужденыдохнуть под бомбами. Брошены, именно брошены на произвол судьбы. Не пойдешь – дезертиром обзовут, придешь – трусом. Разговоры вокруг разные, я больше отмалчиваюсь, не больно хочется выдавать свое незнание реалий. Про людей говорю, а у самого наверняка такой же видок. Да, страшно, очень страшно, никогда не забуду ни трупы бойцов, ни звуки бомбежки. Не передать словами весь тот ужас, что царил вокруг. Понимаю, что скорее всего я еще нагляжусь на такое, а может, и похлеще что будет. Это еще хорошо, что сам-то целый, хоть и пришибленный.

Последний дождь был позавчера, а по полю мимо нас ветерок уже гонял пыльные шары. Ну, хоть грязь просохла, уже плюс. Пыль клубится под ногами, скрипит на зубах, голова чешется, да вообще все тело зудит. Да знаю я, что такое вши, знаю. Просто из двадцать первого века в эту грязь и антисанитарию, понятно, что война и все такое, естественно, привыкну, куда деваться-то. Но пока еще с трудом преодолеваю себя, заставляя вживаться в образ.

Портянки в стоптанных сапогах постоянно сбиваются, после трех остановок на перемотку, уже лень снова останавливаться, а все-таки надо, а то собью ноги, будет вообще жопа, идти-то еще хрен знает сколько.

Интересно было, когда при осмотре «своего» тела обнаружил, что оно здорово похоже на мое собственное, из той жизни. Глянул в красноармейскую книжку, увидел, что возраст почти совпадает, двадцать пять мне нынешнему. Нет только моих шрамов, ну и там, ниже пояса, но выше колен, немного другое. Памяти того, чье тело я занял, не обнаружил, будут еще с этим проблемы. В реалиях этого времени я ни бум-бум. Одно дело читать про эти времена, совсем другое здесь находиться. У местных в подкормку вбита приверженность курсу партии, а у меня что? Ладно, фиг с ним, надоело «гонять», будем жить, а как, это второй вопрос.

Идти надоело до жути. По пути попадаются еще не опустевшие деревеньки, но жратвы нигде нет, люди сами последнюю брюкву доедают. Бредем как бараны, куда, сколько еще и зачем, неизвестно. Конечно, цель-то одна, немец к Волге идет, тормозить пора, но нас тут всего взвод. Да, а сколько сейчас таких взводов так же, как и мы, пробираются на соединение? Многие побросали свою амуницию, кто-то даже винтовки выбросил, я не влезал до поры, но когда началась первая истерика, пришлось зубы показать. Особо выделяться не стали, винтовка у меня у одного заряжена, как бы ни тяжело было, но я ее упорно тащу, чую, хлебнут лиха те, кто бросил оружие.

Подобранная мной после бомбежки винтовка оказалась вполне исправной. Ложе чуть покоцано было, но я ножом затер, даже гладкое стало. Хрен ее знает, как она пристреляна, но по назначению ей пользовались давно. Нагар и налет ржавчины счищал долго, но теперь ствол изнутри аж блеснит. Патронов всего десяток был, но мне, наверное, стрелять не скоро придется. К своим выйдем, наверняка ствол отнимут в пользу тех, кто будет убывать на передовую, а пока нас к кому-нибудь будут присоединять, оружие будет не нужно.

Через два дня, усталые как шахтеры после недельного забоя, наша пестрая компания выползла к реке. Дону радовались недолго, появившийся очень оперативно какой-то павлин в расшитой узорами гимнастерке и синих галифе быстро дал понять, что мы не солдаты, а по меньшей мере трусы поголовно, ладно хоть сразу во враги народа не списали. Мне, как одному из немногих, что сохранил винтовку, попало на удивление даже больше других. Те, кто потерял оружие, поголовно утверждали, что оружие пришло в негодность во время боя, и им верили! А мне и еще шестерым бойцам «не повезло». Оружие исправно, у меня еще и вычищено, заряжено и есть патроны, кто мы, как не трусы? Конечно, никто никого не сдавал. Мужики, что без оружия, смотрели в землю и молчали, ну и мы не стали докладывать, что оружие было просто выброшено. Зачем, кому мы сделаем легче? И так солдат нет, а еще и сами себе гадить будем? Политрук, а это был типичный представитель этого сословия, ну какими их рисовали в моем времени, орал в принципе недолго. Не дав людям даже помыться и постирать превратившуюся

от пота и пыли в состояние древесной коры форму, быстренько построил и отправил к переправе. Оружие мы не сдали, хоть политрук и пыхтел, все семеро, словно сговорившись, решительно отказались от сдачи. Так как группы поддержки у политработника не было, то сильно настаивать тот не смог. Мы объявили ему, что переправимся на тот берег, найдем старших командиров и сдадим, если прикажут, а так как, по сути, предъявить нам было нечего, тот, еще поорав, ушел, но хоть сказал, какой сейчас день. Третье июля, ни хрена себе мы погуляли по родным просторам... Дружно выдохнули и решили все же не стираться, вдруг там такие же упыри попадутся, пусть лучше наш внешний вид наглядно покажет, через что мы прошли. Оказалось все с точностью до наоборот. Первый же старший командир с четырьмя шпалами на петлицах, к которому мы подошли доложить о прибытии, отчитал нас за внешний вид.

– Что это за оборванцы? – обратился он к ординарцу, с которым они вместе подъехали на машине к переправе. Ординарец обвел нас взглядом и спросил у того, кто стоял к нему ближе:

– Кто такие, почему в таком виде? – Лейтеха в ординарцах ходит, а на передке командовать некому, пролетело у меня в голове.

– Сто шестьдесят девятая стрелковая дивизия, точнее то, что уцелело. Может, где-то еще кто пробрался, отходили разными группами. По пути вели бои, кто-то оставался, кто-то прорывался. Мы еще в мае в районе Славянска из кольца вышли, командиры так говорили, два месяца почти пробираемся, – ответил один боец.

– А что, трудно было в порядок себя привести? – это опять этот, у которого железная дорога на петлицах.

– Мы не ели ничего уже три дня, товарищ командир, сил нет совсем. Людям дух перевести некогда было. Если разрешите к реке дойти и привести себя в порядок, сейчас же выполним, – это я вылепил. Не удержался, накопело, а полкан вдруг изменил выражение лица и сменил гнев на милость.

– Сейчас направляетесь вон к тем домикам, что виднеются в километре отсюда. Там стоят кухни, я распоряжусь сейчас, вас покормят. Как отдохнете – приведете себя в порядок. Через три часа быть всем у третьего дома справа. Я пока доложу о вас, надо решить, что с вами делать. Только утром две группы такие же отправили.

– Разрешите вопрос, товарищ командир? – неуверенно спросил я. Полкан удивленно поднял брови, но спокойно кивнул.

– Оружие кому сдавать?

– Не понял? – искренне удивился командир.

– Да нам на том берегу политрук сказал все сдать.

– Ясно, – полковник взглянул на ординарца, – врага сподручней все-таки из винтовки бить, чем голой задницей. Все, приказ ясен?

– Да, разрешите выполнять? – рявкнул я.

– Вольно, – усмехнулся полкан и добавил: – Идите уже.

Козырнув, мы медленно направились в указанную сторону, а полкан с ординарцем прыгнули в машину и, обогнав нас, быстро умчались.

– Слышь, Счастливчик, чего думаешь, пронесло? – это меня так окрестили после бомбежки. Сказали, что меня ни танки, ни бомбы не берут.

– Да хрен его знает. Если правда пожрать и постираться дадут, то вряд ли будут трусость шить. Скорее сунут в какую-нибудь часть да отправят побыстрее на передок, да и баста.

– Думаешь, переформирования не будет? Отдохнуть не получится?

– В запасных сейчас не кормят почти, слышал, люди говорили. Да и чего там делать? – к нашему разговору присоединился еще боец.

– А ты, Счастливчик, куда хочешь? – взоры обратились ко мне.

– Так ведь не на гражданке, чтобы хотеть. Куды пошлют, туды и потопаем. А вообще, жрать охота да поспать бы чуток.

Я выразил общее желание. Мы уже реально падали от голода, даже внешне скоро на пленников из Бухенвальда станем похожи. Через полчаса, громыхая ложками, выскабливали из котелков перловку. Каша казалась шедевром кулинарии, жрали-то последние дни вообще траву, а то и вовсе ничего, а тут даже жирок какой-то присутствовал. Успев облизать ложку, уснул прямо, где сидел. Проснулся, когда ложка из руки выпала, оказалось, меня подтолкнули.

Ругаться и махать руками не стал, просто убрав ложку в сапог, поднял глаза. Над нашей сонной компанией стоял командир. Блин, аж цельных два кубаря в петлицы воткнули. Молодой, словно пацан еще.

– Здравия желаем, товарищ командир, – бойцы медленно поднимались и сонно водили головами из стороны в сторону.

– Это вы сегодня в расположение вышли? Сто шестьдесят девятая стрелковая? Какой полк?

– Мы и есть пятьсот пятьдесят шестой стрелковый, а вы наш новый командир? – всю беседу у нас вел один из бойцов, что был пошустрее.

– Пока я. Лейтенант Нечаев. Мне приказано вас осмотреть и привести в порядок, пополнить по возможности боезапас и оружие и выдвигаться в указанное место на соединение с батальоном. Так как вас тут на взвод едва хватает, по пути приказано еще группу взять, соберем роту, отправят в батальон, ну и так далее. Ваша дивизия до сих пор частями выходит.

– Не секрет – куда? – спросил тот же шустрик.

– Могу только указать общее направление – юго-восток.

– Понятно, ближе к Сталинграду.

– Да, этот город действительно в том направлении. Но к нему ли мы пойдём – не известно.

Известно стало через шесть суток, когда мы, уставшие до охренения, остановились. Как, скажите на милость, эти люди смогли Там столько протопать по просторам Родины да еще и победить потом? В голове не укладывается. Приходилось раньше слышать рассказы фронтовиков, так ни один такое и не вспоминал почему-то, а ведь такое разве забудешь?

Переправились в районе Камышина через Волгу на левый берег, там и было расположение одного из полков нашей будущей дивизии. Как лейтенант объяснил, сейчас такая неразбериха, что никто не будет искать наш полк или дивизию, да и вообще неизвестно, осталось ли хоть что-то от той дивизии.

Практически не отдыхая, нас день за днем гоняли, как школьников на физкультуре. Людей набралось очень много, по моим меркам, в основном все были такие же, как и мы. Усталые, с той грустинкой в глазах, какая бывает у людей обреченных, мы учились воевать в запасном полку на переформировании.

На дворе уже был сентябрь, когда закончилось укомплектование дивизии. И нас погнали куда-то на север. Располагались мы буквально в километре от Волги, к этому времени я числился уже в составе батальона, пофигу, что в батальоне было сто двадцать семь человек, скакали батальон, значит, батальон. Тот лейтеха, что нас привел, стал командиром взвода, который собрали из тех, кто вышел со мной тогда к Дону. Оружие и боеприпасы и правда дали, десяток патронов к винтарю и две бутылки КС. Вот на фига это стекло нам здесь дали? Чтобы не дай бог кто-нибудь вспыхнул, разбив случайно этот фуфырик?

А вот еды у нас почти нет. Полмешка сухарей на взвод из двадцати человек и по банке тушенки. Это все, что дали за трое суток. Негусто. В поселке, в котором нас притормозили, была куча народа. Здесь формировались части для переброски на правый берег, тут были все, даже санбат и саперы с радистами. Вообще, как удалось узнать из разговоров с окружающими, такие пункты сбора и дислокации располагались чуть ли не от Куйбышева и до самого Сталинграда. Наш пункт располагался на левом берегу Волги километрах в шестидесяти от Камышина. Люди уже говорили, что нас скоро переправят на правый берег, дескать, оттуда и двинем

пехом под Сталинград. Мне, если честно, было все равно. После попадания сюда я вообще малость охренел и выглядел несколько отстраненным. Ко мне давно уже никто не подходил с вопросами, как я, что думаю и вообще. Я просто плыл по течению. Сдаваться в руки НКВД с криками, что все знаю, даже не собирался. Да, возможно, так было бы лучше и для страны, да и для меня может быть. Но вот как-то после переноса, после того как я осознал, что – все, нет больше ни семьи, ни той жизни, к которой привык, я как-то замкнулся и потерял смысл что-либо делать. Да и что тут делать-то еще можно. Нужно воевать, поэтому буду воевать. Долго ли, лучше или хуже других, не знаю, но вот в том, что отдам жизнь за то, чтобы мои родные вообще появились на свет, я не сомневаюсь. Да и знания кое-какие есть, смогу с людьми поделиться.

А вот то, что попал я в знаменитую Родимцевскую дивизию, меня здорово порадовало. Даже несмотря на то, что предстоит делать этой дивизии, я ведь помню немного историю Битвы на Волге. Если я сейчас там, где я думаю, то не удивлюсь, если наша рота и отправится за Волгу, отбивать центр, а точнее вокзал, принимая во внимание свою «удачливость». Это в будущем даже в компьютерных играх было.

В районе Камышина мы опять доукомплектовывались, людей все прибывало, а вот оружия и продовольствия, казалось, становилось все меньше.

Через три или четыре дня, если честно, со счету сбился, пребывания на этой стороне Волги, нас, наконец, построили и объявили, что ночью будем переправляться обратно на восточный берег. Ночью, под отборный мат людей, осуществляющих перевозку, мы вновь оказались на левом берегу. Да, испокон веков, видимо, у нас в стране проблема с организацией. Как любят говорить, что в России две беды, но на самом деле лишь одна, первая. Не будь у нас дураков, и дороги бы появились.

Только успев собраться после переправы, нас, О ЧУДО, повезли на юг на машинах. Как же задолбался я уже пешком ходить, хоть какое-то разнообразие. Полуторки, казалось, были специально придуманы, чтобы лишить Красную Армию боеспособности. Ладно тряска, но ведь эти рыдваны ломаются просто каждые десять минут, или это просто нам, таким «везучим», попались именно эти дохлятины? Чуть не через каждый километр пути остановка. То в одной машине движок вскипел, то в другой бензошланг прохудился, то еще что-то, я только глаза к небу поднимал, чтобы не начать злиться.

Лейтеха вроде ничего, молодой, но довольно толковый командир. Лозунгами не бросается, говорит по делу. Даже опросил всех, когда прибыли в Ахтубу, узнал, кто какие воинские специальности имеет. Оказалось, что водить машину в этом времени считается чем-то значимым. Когда очередь дошла до меня и последовал вопрос, об управлении автомашиной, спокойно сказал, что да, вожу, на вопрос какую? – ответил, что без разницы, лишь бы ехать могла. Лейтенант, кстати, этому не обрадовался вообще. Это другие бойцы на меня смотрели открыв рты, а вот он расстроился. Позже он пояснил и попросил не афишировать.

– Понимаешь, там, – командир указал на город за Волгой, – твои умения не пригодятся и тебя оставят где-нибудь здесь. А мне еще один опытный, побывавший в боях солдат очень нужен. Ведь все остальные, кроме вашей компании, вышедшей из окружения, еще пороку не нюхали. Я сейчас разобью вас на отделения, чтобы в каждом были и новички, и бывалые. Пойми меня правильно, боец.

– Да и не собирался я, товарищ командир, никуда от вас уходить, вместе пойдем в Сталинград.

– Вот и хорошо, – сразу приободрился лейтеха. – Как тебя по батюшке, Саша?

– Сергеевич я.

– Как Пушкина! Так вот, Александр Сергеевич, возьми первое отделение на себя. Отберу людей тебе я сам, ну а ты уж дальше без меня. Там есть двое, что и стрелять-то не умеют, возмемься научить?

– Да когда уж тут учить, разве что покажу и расскажу, как не надо делать.

– И то дело. Короче, я на тебя рассчитываю.

Начал «обучение». Ребята были хоть и неопытными в плане войны, восемнадцать лет всем, но довольно толковыми. Нам, наконец, выдали оружие и патроны, сухпай, гранаты. Значит, вот-вот пойдем в бой. Насторожило то, что многим выдали автоматы взамен винтовок, точно к вокзалу пойдем, на берегу не отсидимся.

– Не торопитесь, умереть просто. Спокойней патрон пихай, винтовку крепче держи, это ж не метла, – парни все понимали с полуслова.

– Товарищ Счастливый, а правда, что рядом с вами немецкий танк взорвался, а у вас ни царапины. – Вот и эти черти уже Счастливым прозвали, и ведь знают заразы, что фамилия у меня – Иванов.

– Ага, и «лаптежник» рядом упал, а я его за хвост и об землю, чтобы не улетел, – кивнул я. Парни заржали, а тот боец что спрашивал, смутился.

– Ребят, не слушайте вы эти байки. Лучше оружие почистите.

– Так мы же не стреляли, зачем его чистить?

– Как тебя зовут, боец?

– Рядовой Мироненко, – насупился еще один «молодой».

– Оружие, как женщина, любит ласку и... смазку! – Эти вчерашние школьники покраснели, а затем попадали от смеха.

– Развлекаетесь? – громко поинтересовался кто-то у меня за спиной.

Обернувшись, я уставился на подошедшего. Что-то в его одежде было знакомо, причем неприятно знакомо. Точно, политрук на берегу Дона так одет был.

– Я военный корреспондент, фамилия моя Шлыков.

– Здравия желаем, товарищ корреспондент. О чем пишете? Хотя что это я? Чем можем помочь? – я в своем времени много слышал о военкорах. Большая часть из них были очень правдивы и отчаянно смелы. Вот меня и пробило на угодливость.

– Вы когда отправляетесь на тот берег, товарищи красноармейцы?

– Говорят, ночью, а что?

– С вами пойду, мне надо написать о том, как идут переправы, ну и на наших доблестных защитников города, носящего имя Вождя, посмотреть. Вы не против, если я с вами тут посижу. Послушаю, как вы готовитесь. Ведь вам уже завтра, а возможно, и прямо с переправы в бой.

– Да сидите на здоровье. Бойцы, продолжим, кто там у нас следующий...

Корреспондентом оказался довольно известный для людей этого времени человек. Мне его фамилия ничего не сказала, а вот кто-то из парней сказал, что приходилось читать его заметки.

Потратив на занятия с новобранцами четыре часа, решил прикорнуть ненадолго. Черт его знает, когда еще придется. Делая вид, что отошел по нужде, приглядел сарайчик, больше похожий на огромное сито, весь в дырах и прилично скособолен. Зайдя внутрь, усмехнулся: хорошо кто-то устроился, не я один такой уставший. Осмотрел дальний угол сарая и, раскинув шинель, лег и уже через десять секунд спал как убитый.

– Это что такое, встать, смирно! – из сна меня выдернули, ну хоть не пинками. Аргачиться не стал, просто вытянулся.

– Виноват, – козырнул я, надев пилотку.

– Разве была команда спать?

– Нет, товарищ командир. Устал просто.

– Все устали и еще устанут. Ты занятия провел?

– Да.

– Тогда давай строй своих, через час погрузка на баржу, первыми идем.

– Ясно, – нехило я поспал, часов шесть придавил. Раз скоро погрузка, значит, уже вечер поздний. Выйдя из сарая вслед за лейтехой, подошел к колодцу возле рядом стоящего дома и,

обнаружив на месте ведро с уже набранной водой, умылся. Фляга у меня была полная, но я вылил старую теплую воду и набрал свежей. Еще бы одну замутить, а то мало одной.

Строились недолго. Все давно всё понимают, шевелений не было. Проверил у «своих» снарягу и встал во главе отделения. Хотя какое отделение, шесть человек. Это только в штабах на бумаге: батальоны, роты, взвода. На деле половинный состав в лучшем случае. А помню, у нас все говорили некоторые, дескать, мы немца трупами закидали. Где их взять-то? У немчуры дивизия по численности в два, а то и в три раза больше. Я уж молчу про оснащение этой дивизии. У нас на весь батальон один «дегтярь» полуживой, пулеметчик бедный его целый день от нагара и ржавчины шкурил, когда получил сие чудо. Будем надеяться, что может там, в городе, что-то дадут, а то...

– Товарищи красноармейцы, нам предстоит трудная задача. Сейчас нас переправят на ту сторону Волги, и мы сразу войдем в бой. Фашисты очень близко, местами даже вышли на берег. Наша задача отбросить их на этом участке, чтобы смогли переправиться основные силы дивизии. Во время переправы голов не поднимать, как достигнем берега, всем покинуть баржу и залечь. Ребята, враг очень силен, но мы должны отстоять город, носящий имя нашего вождя, товарища Сталина. Враг будет разбит, победа будет за нами!

По окончании политинформации нас повели к переправе. К грохоту взрывов новобранцы были непривычны, поэтому вздрагивали ежесекундно. Впереди, поднимая тучи брызг, вставали водяные фонтаны, немцы обстреливали переправу из всего, что только у них было. Лично я уже как-то спокойно ко всему отношусь. За недели странствий, выходя из окружения, привык ко многому. Естественно, привыкнуть к войне тяжело, но если ты знаешь, что это надолго, знаешь всю полноту катастрофы, справиться с собой легче. Это вот им тяжело, тем парням, что считали Красную Армию непобедимой, они не могли представить себе даже примерных масштабов войны. А я вот постоянно думаю о том, как все-таки, наверное, хорошо, не зная так много, как я, ну, по сравнению с местными. Они ведь не знают, что снабжение будет ужасным, что пополнение идет очень медленно. А самое главное, если именно мы пойдем к вокзалу, то в живых нас останется очень мало. Ребята видят только то, что находится перед глазами, а ведь так по всему фронту. Люди везде гибнут одинаково. Везде тяжело с питанием и боеприпасами. Да, уже зимой армия, наконец, начнет побеждать, но какой ценой мы купим эти победы, а?

Город поражал. Высокие, когда-то наверняка красивые высотные дома, сейчас были разрушены. Окон вообще нигде нет, черные провалы, из которых местами выбиваются языки огня, смотрят на нас тоскливо. Даже отсюда, с левого берега вижу почти полное отсутствие крыш на домах. На зданиях не хватает не только крыш, но и стен. Кособокие, порой непонятно как еще стоящие руины, вот что это было, а не город.

Прямо на наших глазах катер, плюхавший с той стороны, перевернулся от близкого разрыва бомбы. Мы поглядели вверх, туда, где под остывающим сентябрьским солнышком резвились асы Геринга. Гады пернатые, мало того что «штуки» бомбы швыряют, так еще и «мессеры» после них проходят, как будто бомбёжки недостаточно.

Буксир тяжело плюхал по реке, толкая баржу, нагруженную бойцами. Баржей я назвал это корыто просто для порядка. Одновременно с нами переправлялись еще шесть таких же барж и несколько бронекатеров. Примерно тысяча человек шла в бой. Как лейтенант сказал, аж три батальона. На всех имелось два орудия 45 мм, пять ружей ПТР, ну и гранат дали немного. Когда выдавали, вышло каждому по две штуки. Мы даже приободрились, увидев «феньки». А то КС не станешь в дверные проемы кидать, пока она еще прогорит. А нам с ходу нужно ближний дом захватить и зачистить, от подвала до четвертого этажа.

Примерно на середине Волги началось. Мы ожидали налета «лаптежников», ну или «худых», а тут только свист и... Бульк, впереди по курсу судна встал водяной столб. Прямо

гейзер, всего метрах в пятидесяти. Через несколько секунд вновь свист и справа метрах в двадцати – плюх, еще один гейзер. Вдруг нас всех повело влево, посмотрев на тот берег, понял, что капитан дал резко вправо. Сомневаюсь, что это нас спасет, и протискиваюсь ближе к борту. И ведь спасло! Кэп этого буксира настоящий ас в рулежке. Следующий снаряд, а то, что стреляет орудие, уже никто не сомневался, упал слева и, лопнув под водой, окатил всю баржу волной. Кого-то выкинуло буквально рядом со мной, свесившись, подтянул какого-то паренька и затащил обратно. Взрыв был буквально в десятке метров, было действительно страшно. Не изменил капитан курс, нам прилетело бы точно в центр баржи. Перекрестился даже корреспондент. Ага, на носу стоял и шелкал «лейкой». До берега оставалось уже немного, видимо, для немецких орудий стрельба была затруднена и по нам с высокого берега заработали пулеметы. Сколько, я не стал считать, решив спрятать башку за борт. Толщина бортов баржи давала надежду на спасение, и все чуть ли не распластались по палубе. Так как вперед не глядел, удар корпуса баржи о дно у берега пропустил. По инерции чуть подался вперед и навалился на кого-то из бойцов. Получив в ответ тычок куда-то в пузо, быстро встал. Подо мной оказался здоровенный парень из моего отделения. Я на него обратил внимание, когда показывал бойцам обращение с винтовкой Мосина. Обратил потому, что винтовка в руках этого бугая смотрелась как трость.

– Э, полегче, всех шатает, – беззлобно гаркнул я и, вскочив, бросился за борт. Приземлился удачно, воды было чуть выше колен, и я быстренько стал передвигать ноги к берегу. Вокруг кто-то кричал, падал. Но никто не открыл ответного огня. Только выбравшись на берег и укрывшись за кучей земли, о, да это небольшая воронка, я осмотрел реку и берег. Оказалось, из шести барж дошло только четыре. Остальные, наверное, на дне, вместе с буксирами. На воде виднелось множество точек, люди, кто не погиб, пытались выплыть. Рядом со мной приземлился лейтеха.

– Ты живой, Счастливый?

– Товарищ лейтенант, вы же знаете мою фамилию, на фига мне эту «погремуху» приклеили?

– Ты сейчас с кем разговаривал? – натурально так удивился командир, даже по сторонам поглядел.

– А, не берите в голову.

– Так, Счастливчик ты или Иванов, да хотя бы и Пушкин, собирай отделение и на правый фланг, по зеленой ракете атакуем. Советую воду вылить из сапог.

Скинув сапоги и отжав портянки, принялся оглядывать бойцов. Да ни хрена тут не разглядишь толком. Немцы сюда не стреляют, никак не попасть, сосредоточили огонь на тех, кто еще оставался в воде. Но все как один мои хлопцы лежали ничком, уткнувшись в землю.

– Э, бойцы, вы чего там спать легли, что ли? – рявкнул я. Одна за другой стали подниматься головы.

– Давайте ближе ко мне. Привести себя в порядок не получится, но воду из сапог выливайте и проверьте оружие. Сейчас будет сигнал, кто не успеет... Ну, вы не дети, сами понимаете.

Дом оказался почти целым, отсутствовали только крыша и часть верхнего этажа. Конечно, не было ни окон, ни дверей. Одни темные проемы внизу, да подсвеченные огнем на верхних этажах. Ну и конечно, выделялись те, из которых долбили пулеметы противника. Трассеры, пересекая короткое расстояние от домов до реки, утыкались в воду. Черт, на самых подступах к дому мы будем как на ладони, но темнота поможет. Думай, голова, шапку куплю. Хотя выдали шапку-то, вон в сидоре лежит. На голове каска, под ней пилотка.

– Так, слушайте сюда, – начал я, обращаясь к своим. – Здесь внизу огня нет, просматриваются подступы неважно, так что дуриком не лезть. Броском вперед, два-три шага и залечь, все ясно. Когда падаете, сразу перекатываетесь в сторону. Будете слушаться, поживете, все ясно?

– Товарищ Счастливый...

– Ну что вы как дети, хватит уже. Как тебя зовут, боец? – я обратился к тому, что опять меня по кличке позвал.

– Боец Никифоров, – парень чуть не подпрыгнул, вытянуться хотел.

– Замри уже, здесь устав не нужно соблюдать дословно. Имя у тебя есть?

– Матвей.

– Так вот, Мат, чего вылупились, так короче, а значит, больше по делу скажешь. Ко мне обращаться просто по имени, Саня я. Еще в бою можно Сергеичем. Все ясно?

– Да. А как остальных звать?

– Ну, так сами и назовитесь, вы же знаете, как друг друга звать, можете сокращать, если хотите. Ты, кстати, не возражаешь насчет «Мата»? – всегда стараюсь узнать настроение человека, делающего со мной одно дело. А то положишься на него, а он на что-нибудь злой, и не захочет, но может подвести в любой момент.

– Все нормально, товарищ командир, – с улыбкой отозвался Матвей.

– Ну, я пока просто старший в нашем отделении, а уж буду ли командиром или нет, будем посмотреть.

Этот дом, из которого был довольно приличный обзор, мы, в общем-то, взяли довольно легко, немцев здесь было мало и они предпочли свалить. Закрепившись и дождавшись подкрепления в виде еще одного взвода, расставил своих по местам и присел под стеной отдохнуть.

Блин, вот помню истину, что пуля, которую слышно, не твоя, но как же все-таки страшно, когда они свистят над головой. А еще противнее, когда слышишь последующий за свистом чавкающий, хлюпающий, чмокающий звук, понимая, что кто-то эту пулю не слышал. Обойдя с прибывшим лейтенантом позиции взвода, замечаем, что нас уже стало меньше. Для кого-то из бойцов все уже кончилось, возможно, им в каком-то смысле было легче, чем будет нам.

Позади, на насыпи, когда мы поднимались под ураганным пулеметным и минометным огнем, все было как в кино, только смерть вокруг не давала расслабиться. То один, до другой боец падает, спотыкаясь от попавшего осколка или пули, иногда прямо с поднятой ногой, не успев завершить очередной шаг, умирает. В двух сотнях метров от нас третья рота штурмует здание Госбанка. Этакая громадина, возвышаясь над правым берегом реки, дает немцам возможность спокойно обстреливать и берег, и переправу. Нам выпало идти чуть в стороне, на расположенные поблизости от Госбанка высотные дома. Вот уж полностью ощутил, что называется, бой за каждый дом. Какой там батальон или полк, каждый взвод воевал практически сам по себе. Стрельба идет просто со всех сторон, ты двигаешься, а не знаешь, кто и где вообще. Говоря, что наша рота заняла тот или другой дом, имею в виду то, что я и те, кто со мной на данный момент здесь, а где вся остальная рота, понятия не имею. Те высотки, что пришлось атаковать нам рядом с Госбанком, представляли собой напичканные противником огневые точки. В них укрепились пулеметки и корректировщики артиллерийского огня. «Мое» отделение, которое мне поручили, чудом смогло дойти до стен без потерь, одного бойца только легко ранило. Немчура хоть и обучена воевать, но когда атака идет уже вплотную, нос к носу, то и у них начинаются перебои с их «орднунгом». Издалека пулеметы стегают методично, перезаряжаясь по очереди, не давая голову поднять, а когда подошли ближе, немчики стали нервничать. Вот я и вел свое отделение в моменты перезарядки, или когда замечал, что огонь перенесён в сторону, так и дошли.

В десятый раз проверил ППШ и заставил всех проделать то же самое. Мне по великому «счастью» попались аж два сменных диска, которые подходили к автомату, а с этим реально была беда. Те ребята, кому повезло, получили ППШ с коробчатыми магазинами, только плачутся, что патронов в магазине мало, но меняться засранцы не хотят, хотя я просил уже. То еще «счастье» ПТРС. Весит, блин, это «ружье» больше пулемета. Где из него тут стрелять, ума не приложу, хотя, когда на танки выйдем, или те на нас, то, наверное, я буду только рад наличию этих «весел» у нас в роте.

Нашу дивизию бросили в бой с ходу. Задача – уничтожить противника в центре города. Нам предстоит зачищать каждый дом, каждую квартиру и комнату. Лейтенант требует с рассветом атаковать и зачистить ближайший к нам четырехэтажный дом, это необходимо для нашей же безопасности, а то фрицы могут в гости прийти прямо через тот дом, а мы и не заметим. Три этажа вполне себе целые, только окон нет, а вот у четвертого и крыши нет вовсе, хотя тут все дома такие сейчас. От некоторых вообще стоят одни лестничные пролеты, там, видимо, стены потолще были, а все перекрытия квартир рухнули и лежат, возвышаясь словно горы. До рассвета остается пара часов, всячески уговариваю командира дать разрешение на атаку прямо сейчас, но тому ясно приказали с утра, так как поддержки ночью не будет. Я понимаю, что здравый смысл «наверху и внизу» разный, но пытаюсь уломать командира. Вот блин, ну кто меня за язык-то тянет?

– Иванов, у меня приказ, атаковать утром, сейчас рядом могут быть наши, перестреляем еще друг друга, – уже устав ругаться, лейтеха пытается объяснить.

– Я понимаю тебя, командир, но включи голову. Тебе надо нас положить или дом занять? С утра мы все ляжем тут между домами, кому от этого лучше будет? Да и кто тебе запретит? Займем дом, доложишь, что в результате инициативы бойцов заняли заодно и второй дом.

– Конечно, дом занять, но наша атака с утра позволит отвлечь немцев от переправы, да и вообще заставит противника распылять свои силы.

– Я сейчас один схожу, посмотрю и послушаю, если там немчура, атакуем и баста! В любом случае внимание от переправы мы отвлечем.

– Вместе пойдем, а то меня ротный на завтрак съест и не подавится. – Я все больше и больше начинаю уважать этого пацана-лейтенанта. – А у нас тут ведь легче вышло, на высоте парням из соседнего полка потяжелее будет, – задумчиво добавил командир.

– Не каркай, лейтенант, могу обещать, что завтра ты уже так думать не будешь, – ответил я.

Соседям и правда тяжело, но и нам ничуть не легче. Соседний полк пытается закрепиться на высоте 102, которую еще называют Мамаев курган, жарко там, но у нас тут у самих не северный полюс.

Мы вышли вдвоем с командиром взвода. Парень не лез вперед, слушал меня, а я иду впереди и думаю: «Твою в бога душу мать, куда я лезу-то, чего, самый, блин, Терминатор, что ли? Пошли бы завтра, легли тут спокойно себе и всё, нет, надо в герои лезть!»

Пробрались вполне спокойно, сентябрьские ночи очень темные, да и развалины помогают в скрытности. Замерли под стеной, пытаюсь услышать хоть что-нибудь в грохоте стрельбы и взрывов, что раздавались неподалеку. Наш первый дом, из которого немцы бежали, даже не обстреляли, когда мы его заняли. Со вторым наверняка будет сложнее. Этот и больше, и целее на вид, блин, а если там рота солдат противника сидит, тогда что?

Показав лейтенанту знак ждать, пролез в подвальное окно и, осмотревшись внутри, позвал командира.

– Давай, только тихо, что-то слышу, – прошептал я спустившемуся лейтехе.

Пробираясь вдоль стены, старался ступать осторожно, чтобы не грохнуться. Какой урод догадался здесь бутылок накидать, не знаю, но я чудом не влетел в кучу поставленной тары из-под разного алкоголя.

– Не наши, – показав мне этикетку и подсветив фонарем с синим стеклом, произнес командир.

– Тише ты, базарят наверху, – я указал на лестницу, к которой мы уже подошли, и, присев, высунул голову. Подвальная дверь была приоткрыта, а за ней виднелся свет от «летучей мыши», а может, немцы тоже из гильз коптилки делают, не знаю. Отступив на пару шагов назад, налетел на лейтеху, тот зашипел.

– Блин, командир, ты чего ко мне приклеился? – прошипел я в ответ.

– Извини, – как-то смущенно ответил лейтенант. – Я ведь первый день на передовой, – зачем-то добавил парень.

– Ладно, все будет в порядке, – я потряс его за плечо, парень просто боится, раньше просто виду не подавал, а кому не страшно? У меня у самого поджилки трясутся, а что делать? Привыкнем, наверное. Я вон думал, мне стрелять страшно будет, ну, все так говорили в будущем, что убивать это очень тяжело и страшно. Да ни фиги не тяжело оказалось. Мы когда в первый дом входили, немец попался прямо мне под выстрел, срезал его одной длинной очередью и переживал только о том, что дурень, патронов много истратил.

– Я попробую подняться и посмотреть, сколько их, а ты возвращайся и води людей. Возьми человек десять, больше только мешаться будем друг другу. Гранаты все собери у тех, кто не пойдет, они нам нужнее будут, а когда закончим, у фрицев трофеев наберем, у них явно всего побольше будет. У тебя ракетница есть?

– Да, – кивнул лейтенант.

– Пусть еще десяток бойцов ждут сигнала и выдвигаются к нам, но только по ракете, давай, лейтенант, жду.

Лейтеха убежал назад за людьми, а я, уперев приклад ППШ в плечо, двинул наверх. Возле самой двери остановился и медленно убрал автомат за спину, сквозь приоткрытую дверь мне был виден фриц, сидящий... на стуле. Перед ним на мешках с песком стоял пулемет, немчик контролировал вход в подъезд. Что тут за планировка такая, не подъезд, а целый холл. Вытащив из немецких ножен штык-нож от немецкого же карабина, я прислушался, нет, пулеметчик не может быть один, если только... Дверь не издала ни звука, просто открывал я ее ну очень медленно и, кажется, даже дышать забыл. Когда проем стал достаточен для того, чтобы я смог пройти, высунул голову и тут же убрал назад. Второй номер пулеметного расчета нагло дрых на полу, подложив под себя притащенный откуда-то матрас. Спите, суки, ну спите, спите. Пулеметчик сидел ко мне боком и незаметно мне не подойти, надо его отвлечь. Вытанув из кармана патрон от винтовки Мосина, остался со времен владения этой винтовкой, я поднял руку и одной кистью, без замаха, бросил патрон за спиной немца так, чтобы пулеметчик повернулся ко мне тылом. Слева от врага была стена с почтовыми ящиками, звук вышел довольно громким, блин, второй бы не проснулся, а то не успею, между солдатами метра три.

Немчик поступил предсказуемо, а я, выйдя наконец из-за двери, мгновенно сократил дистанцию. Черт, за палец укусил, столбняк бы не напал. Зажимая фрицу рот, я из-за отсутствия опыта, промахнулся чуток, и пальцы скользнули в рот. Когда нож, разорвав тонкую фрицевскую шинель, с хрустом вошел в бочину, немец так приглашающе ее открыл, то машинально сжал челюсти. Больно, блин... Но хоть не заорал. Убивая пулеметчика, старался держать в поле видимости второго номера. Едва я успел вынуть нож из трупа, тот хоть и дергался еще, но уже «кончался», проснулся и перевернулся ко мне лицом второй солдат. Я был в метре от него, когда он раскрыл глаза. Ох, точно мне сегодня руку кто-нибудь из фрицев отгрызет. Боясь, что тот заорет, я сначала сунул ему ребро ладони в рот, не давая закричать, а уже потом нанес удар в грудь. Зажимая тому рот, я повалил немца на спину и удар в грудь был доступен, но, черт возьми, фриц никак не умирал. Я уже провернул не один раз туда-сюда нож в ране, а тот только стонал и пытался меня спихнуть с себя. Почувствовав, как нож уперся во что-то твердое, наверняка куда-то в кость попал, я выдернул нож и попытался полоснуть фрица по горлу, но тот так двигал руками, что помешал мне сделать это чисто. Пришлось снова бить в грудь. Фашист сдох только после третьего удара, а я понял, почему на телах убитых ножом людей, всегда много ран, не так-то и просто убить человека ножом, не всегда можно попасть туда, куда хочется. Я вот видел отчетливо, что втыкаю нож в район сердца, а противник хрипит, но недохнет и все. Сдерживая тошноту, вытер нож.

Закончив возню с пулеметным расчетом, я осмотрелся и, подхватив МГ-42, увесистый ствол, вернулся в подвал. Буквально чудом не налетев на поднимающегося лейтенанта, я остановился и шепотом спросил:

– Пулемет немецкий кто знает?

Ответ пришел от командира.

– Я разбирал и немного пострелял на курсах.

Я протянул ему МГ и две запасные банки с патронами.

– Разберешься? Тогда владей!

– Ну, теперь-то мы повоюем! – всерьез ответил лейтенант. Я его понимаю, у нас на взвод всего один «дегтярь», да и тот с двумя блинами всего, а тут машинка посерьезнее будет. Хоть и подкинули оружия буквально на погрузке, но его все равно было мало.

– На входе в подъезд никого, но у дома, блин, аж целых четыре подъезда, его, блин, ротой штурмовать надо, – сплюнув, я направился вверх по лестнице.

– Как действуем? – вдогонку спросил лейтеха. Черт, я ему весь авторитет разбазарю так.

– Командир, надо пару бойцов посадить так, чтобы в подъезд никто не вошел.

– Так, двое сюда, – проговорил тихо лейтеха, а из-за его спины показались два бойца, оба молодые, неопытные еще.

– Подождите, я вам немного помогу, – сказал я. Достав сидор, тот за спиной висит, а так как он тощий совсем, то я с собой его взял сразу, как видно, не ошибся, вытащил моток лески, что стырил у деревенских на том берегу. Отмотав чуть больше метра, подошел к проему, что вел на улицу. Дверь отсутствовала, а вот петли на коробке остались, за них и зацепил один конец лески, а второй продел через кольцо гранаты, «фенька» идеально подходит для такой подлости. С гранатой пришлось повозиться, но справился, взяв у одного из фрицев нож, воткнул в косяк на противоположной от петель стороне проема и с его помощью закрепил гранату, разогнув усики.

– Смотрите сюда, – показал я двум бойцам, что останутся здесь, на спуск в подвал, – ложитесь прямо на лестницу, смотрите только на улицу, сверху к вам прийти можем только мы. Обзор у вас узкий, но мимо вас никто не пройдет, если в подъезд кто-то зайдет, ну, если не успеете раньше пристрелить, то сорвет леску и будет взрыв. Вас задеть не должно, но как только кто-то перешагнет порог, головы в пол, ясно? – проинструктировал я бойцов. – И еще. Стреляйте по очереди, чтобы не вышло так, что у обоих одновременно патроны кончатся. Эх, надо бы вам пулемет-то оставить, лейтенант, может, покажешь им, сложного-то ничего тут нет?

– Давай я сам тут и останусь, так проще будет, – предложил командир. Он прав, пока тут учишь, немцы придут. И так мы здесь минут пять уже хозяйничаем.

– Хорошо, тогда один с нами, второй пусть вам помогает, бойцы, вперед, дальше покажу, как делаем.

– Сань, а ты чего весь в кровище-то, – задал мне вопрос один из бойцов, когда мы поднимались по лестнице.

– Да жрать хотелось, попробовал фрица, а он, сука, невкусный оказался, только перепачкался зря. – Вместо смеха на меня уставились, как на упыря. – Блин, да шучу я, шучу.

Первый этаж, две квартиры прямо, две по бокам, в принципе, как в хрущевке. Двери есть только на одной, той, что слева, она угловая получается, наверняка кто-то есть, оттуда хорошо угол держать, там обзор на две стороны.

– По двое держите на прицеле одну квартиру, двое лестницу наверх, ты, – я указал на одного парня, с меня ростом, крепкого с виду, – со мной.

Дверь оказалась запертой, твою мать, то вообще без дверей, а нашли одну, так заперта оказалась. Стучу простым таким стуком, может, повезет, и у немчуры нет своего условного сигнала. За дверью слышались шаги, и кто-то недовольно проговорил на немецком.

– Шайзе, – я произнес одно из немногих известных мне слов. Ну, ведь не «Гитлер капут» говорить. Послышалась тихая возня, и дверь начала открываться внутрь.

Ударом ноги, со всей пролетарской ненавистью, помогаю фашисту открыть дверь. Стоявший за дверью явно не ожидал такого поворота событий и плюхается на задницу. Ударом приклада в лицо отправляю его в нокаут и перешагиваю. Передо мной маленькая прихожая, слева дверь в туалет, чуть дальше прямо вход, видимо в комнату. Показываю бойцу, что идет сзади, на туалетную дверь, а сам двигаюсь дальше.

– Ганс, гав-гав-гав, – это не Гансу кто-то гавкает, просто я разобрал только имя, а остальная речь была сплошным собачьим лаем.

Мне навстречу из комнаты, без оружия, выходит фриц, нормальный такой, упитанный, они тут пока еще с голоду не пухнут. Автомат у меня практически уперся ему в лицо. Левой рукой приложил палец к губам, предлагая молчать, но видя, что фриц открывает рот, ткнул со всей дури стволом на удачу, попал идеально. Немец захрипел, подавившись железным стволом ППШ, а я, отталкивая его, уже тянул из ножен тесак. Комнату окинул краем глаза и решил добить фрицев. Этот, что лежал и пищал, оставшись без зубов, да еще и, похоже, глотку ему повредил, получил свое и затих. Обернувшись, увидел, как мой напарник уже вытирает свой клинок о шинель первого фашиста, что открыл нам двери. Показываю бойцу большой палец, а тот отвечает кивком, молодец, однако. Заходим в комнату, оп-па, да тут у них рация стоит, хорошо зашли. Окна, как и везде, выбиты, выкидываю на улицу винтовки этих радистов, отцепив от одной ремень. Привязав к ручке, что была на ящике радиостанции, ремень от немецкого карабина, спускаю радио в окно, подберем, когда обратно потопаем. Прихватываю полукруг колбасы, та лежала на столе и, гадина такая, пахла так хорошо... Откусив кусок, отдаю напарнику, тот с удовольствием кусает. С набитым битком ртом вываливаемся на площадку, парни едва сдержались, чтобы не заржать.

– А теперь, видать, по вкусу фашиста нашел, вон как уплетает! – тихо, едва слышно шутит кто-то из бойцов, а остальные едва удерживаются от смеха. Показываю кулак, а затем тычу в дверные проемы оставшихся необследованных квартир. По двое ребята исчезают в помещениях, но всего спустя минуту выходят, отрицательно мотая головами. Вот блин, что же тут радистов так бросили, или понадеялись на пулемет внизу? Показываю тем, что держат на прицеле лестницу вверх, подниматься. Ребята начинают подъем, так, промежуточная площадка, поворот и снова четыре квартиры, все без дверей. Вот, блин, куда они деваются? Внутри вроде не валяются. Ладно окна, но двери-то? Наверное, те местные жители, что остались в городе, снимали на дрова. Мы здесь совсем недолго находимся, но мирных жителей я уже видел. Пробегали мимо них в подвале первого захваченного нами дома. Когда поднялись на второй этаж, шепчу:

– Повторяем! – И сам шагаю в квартиру слева. Отмечаю про себя, что ребята сразу распределились так же по двое, не забыв и лестницу. Где-то совсем рядом с домом грохочет пулемет, не из нашего подъезда. Возможно, фрицы рядом стреляют в кого-то на переправе, ее из дома хорошо видно. Пусть постреляют, тогда и мы сможем, а то надоело рисковать, да и не нравится мне ножом людей резать, хоть и враги. Проходим туалет, никого, из комнаты доносится какой-то звук, а затем тишину нарушает выстрел из винтовки. Да, похоже, фрицам не спится, решили наших на переправе пострелять, как в тире, ну, держитесь тогда. Показываю бойцу рукой прямо и направо, чтобы он смотрел в комнате именно туда, а сам, присев, чуть ли не гусиным шагом вхожу и поворачиваю влево. Вот они, голубчики, опять двое. Пока были на формировании, я довольно сносно научился обращаться с ППШ, получается отсекают очень короткие очереди. Две пули одному, две другому, а чего, оба спиной ко мне стояли. Слышу, что в подъезде кто-то еще стреляет. Ну, начали, значит. Выше тоже кто-то палит из окон, видны вспышки в темноте.

– Гранаты пока экономим, немцы сейчас переправой увлечены, надо их пострелять по-быстрому, пока случай представился, – говорю парням, когда собрались на площадке после зачистки второго этажа.

В квартире, что была расположена прямо, ребята также завалили двух гансов, или фрицев, да пофигу. Дальше уже стесняться перестали. Поднявшись на третий, и он же последний этаж, просто постреляли еще четверых. Почему третий этаж последний в четырехэтажном доме? Так нет тут четвертого-то, как и крыши нет. Итого двенадцать фрицев на подъезд, нехило. Нужно идти дальше, у нас и так около часа всего остается, может, чуть-чуть больше, а дальше рассветет, и немчуру придут менять, а нам надо занять позиции так, чтобы перестрелять и смену, что придет. Немчура действует так, ночь на опорном пункте отсидел, иди, поспи, другие посидят, меняются постоянно, это же не в окопе воевать, тут спать некогда. Вон, спали тут некоторые, так и не проснулись вовсе. Оставив людей наверху, спустились с напарником вниз.

– Слышь, командир, там можно по разбитому четвертому этажу перебраться в соседний подъезд.

– Давайте попробуем. Вылезать на улицу, я думаю, опасно, вдруг у них в каждом подъезде пулемет, – поддержал нашу идею взводный.

– Всё возможно, просто думал сначала через подвал, да фиг его знает, больно уж выходить из него стремно.

– Чего делать? – лейтеха посмотрел на меня.

– Опасно, говорю, выходить, вход в подъезд видишь, а что за спиной нет.

– А-а. Давайте, двигайте, времени в обрез. Чего они расшумелись так?

– Переправа, – просто сказал я и пошел наверх. – Ракету дай, пусть люди приходят и занимают позиции, оружие соберут пока, жратву. – А что, лишней будет, что ли? Забравшись с помощью бойцов на развалины четвертого этажа, убедился, что путь к лестничным пролетам вполне проходим, и дал знать бойцам, чтобы поднимались.

В следующем подъезде на третьем этаже было пусто, фрицы нашлись только на втором и первом, у подвала никого не было. Зачистили довольно быстро, минут десять ушло, и еще восемь гансиков отправились на тот свет.

– Сань, там не пройти, – сказал мне напарник, проверив путь через развалины наверху в третий подъезд.

– Давайте тогда все вниз, двинем через подвал.

Спустившись, протопали до соседнего подъезда и обнаружили отсутствие двери, ведущей в подъезд из подвала. Так же, как и в первом, тут сидели два солдата с пулеметом. Отлично, у нас еще один пулемет. С учетом захваченных во втором подъезде сразу двух МГ, у нас сегодня неплохой улов. С этих стволов и долбили по переправе, а теперь мы гансов отстреливать будем, когда они на штурм пойдут.

Третий подъезд зачищали дольше, все двадцать минут. Тут немчики какие-то непоседливые были, все бегали из квартиры в квартиру, видимо, позиции меняли, чтобы не пристрелялись по ним. Убрав еще десять солдат противника, тут уже и до гранат дошло, мы добрались до последнего, четвертого подъезда. К этому времени у нас были на руках еще два пулемета, куча винтовок и несколько автоматов противника, большое количество гранат. Также были захвачены еще одна радиостанция и жратва! Вот чему рады больше всего пока, хоть поесть по-человечески, а то сухари с сухарями, максимум консервов подбросят, а так мы на пару дней точно затарены. В четвертом нас ждал сюрприз в виде фрицевского офицера, его я сам лично только ранил, правда, боясь промахнуться в руку, стрелял по ногам, теперь придется тащить, но это уже была фигня. В последнем подъезде нам досталось еще несколько винтовок и автоматов, все те же два пулемета и гранаты. Да, нехилый опорник здесь немчура устроила. Днем мы бы просто легли тут под стенами, хрен бы чего вышло, а так лейтехе еще и медаль дадут.

Еще бы, захват укрепленного пункта противника, да еще и без потерь, и с трофеями, если не зажмут, то и орден командиру перепадет. Слышал, правда, в это время не очень-то баловали наградами, могут и прокатить.

Мы установили растяжки на входе в каждый подъезд, ладно, чего уж тут, я установил, для местных это было чем-то сверхъестественным. Вон лейтеха до сих пор на меня смотрит странно, с таким удивлением он смотрел, как я с гранатами обращаюсь, не порекомендовал бы он особистам со мной поговорить, а то тут все такие бдительные... После рапорта по проводной связи нам приказали держать дом любой ценой, в кои-то веки почти прекратился обстрел переправы и войска идут даже утром. Здание Госбанка наши соседи подорвали и выбили из него фашистов.

К нам прислали роту, аж восемьдесят пять бойцов, в придачу к тем почти двум взводам, что у нас были. Теперь мы уже если и не сила, то силушка точно. Распределили всех людей по двум захваченным домам и стали ждать контратаки противника. Они еще не сошлись, но по отсутствию связи, наверное, и так все поняли. Фрицевский офицер в звании обер-лейтенанта, как у них принято, начал кочевряжиться. Решил в молчанку играть, а то и вовсе сдаваться предлагал. К нам с утра прибыл политрук нашей роты, невысокий, с незапоминающимся лицом парень, лет двадцати трех, довольно бегло говорил на немецком языке, он и допрашивал. Фашист молчал, а меня из комнаты не выгоняли, поэтому я, услышав в очередной раз, как политрук перевел лейтенанту, что говорить фриц не будет, открыл свой рот.

– Товарищ политрук, переведете ему слово в слово?

– Ну, говори, попробую, – кивнул партийный работник. Надо отдать должное, вроде вменяемый нам попался.

– Сейчас командиры выйдут, а я тебе покажу, как работают у вас в гестапо, хочешь? – произнес я и достал свой длинный нож. Интересно, припомнит ли мне политрук мои знания о гестапо?

Надо ли объяснять, что фриц был далеко не железный, я даже со своего места не встал, как тот заговорил, впечатлительный, правда, ему пообещали, что отправят в госпиталь, если будет говорить.

Дальше я ушел проверять посты. Что уж там напел пленный, я не знаю, но лейтеха с политруком, оставив меня за старшего, кинулись на берег, искать штаб дивизии, вроде как его уже переправили.

Вместе с пополнением прибыли и командиры. Ротой командовал высокий кудрявый старший лейтенант с тонкими противными с виду усиками. Его восточная внешность подкреплялась таким же горячим характером. Я-то со своим командиром уже расслабился, а этот едва появился, начал строить.

– Почему кто-то на посту, а кто-то спит? – повышал голос с каждым словом старлей.

– Так разве на посты ставят весь численный состав? – спокойно ответил я. Политрук с лейтехой еще не вернулись из штаба, поэтому заступиться за нас было некому.

– Привести себя в порядок, занять позиции, забыли, какой город мы обороняем? – продолжал вещать ротный.

– Товарищ лейтенант, два взвода всю ночь не спали. Сначала переправа, затем атака и захват укрепленных пунктов противника, люди не железные... – начал я, но был грубо оборван на полуслове.

– Как фамилия, боец? Как вы разговариваете со старшим по званию... – и дальше в таком же духе, я застегнул пуговицу на гимнастерке и рявкнул:

– Виноват! Гвардии красноармеец Иванов. Разрешите идти, товарищ старший лейтенант? – вытянувшись в струну, я ожидал приказ.

– Я с вами не закончил. Что-то вы тут распустились у Нечаева. Отдыхают, форму вон всю испортили. – Так и знал, что прицепится. А пока на формировании были, я себе из винтовочных ремней сбрую сшил да подсумки на нее подвесил, ну неудобно мне на ремне все таскать.

– Почему испортил, просто сделал, как удобнее...

– Вы что, боец, устав забыли? – взревел старлей. – Сейчас же переделать, как положено.

– Товарищ старший лейтенант, в бою так удобнее, можете меня наказать, но переделывать не буду, – меня что-то разозлил этот самодур ротный. Мы тут еле живые сидим, устали как собаки, а он тут меня строить будет, да пошел он... Хлясь.

– Это что такое было-то? – потер я щеку, в которую только что прилетел кулак ротного. Да, я слышал, конечно, что в армии имеет место быть рукоприкладство со стороны старшего к младшему, но не ожидал на себе почувствовать. – Ты чего, ротный, сдурел, что ли?

– Что ты сказал, повтори? – Горцы это диагноз. Голос у командира стал таким писклявым и противным, как его усики.

– Повторю, только ты ведь все равно не поймешь, – спокойно ответил я, – нельзя бить людей просто потому, что старше званием, тем более на войне.

– Ты мне угрожаешь? – Ну вот, я же говорил, не поймет.

– Да нужен ты мне, угрожать еще. Просто ты, видимо, еще не понял, куда попал, старлей, тут вообще-то война... – Второй удар пришелся по той же щеке. А удар-то, как у бабы, ей-богу.

– Старлей, я под трибунал за какую-то гниду не пойду, можешь хоть в бетон меня втоптать, драться я не буду, тебя жизнь научит.

Больше ударов не было. Ротный просто достал из кобуры ТТ и направил мне в живот.

– Я тебя просто хлопну прямо здесь, за неподчинение, трибуналом не отделаешься. – Ну всё, пора и мне вступить.

– В эту игру можно играть и вдвоем, – произнес я и резким ударом обеими своими кистями просто вышиб пистолет из рук ротного. Тот завис, наверное, секунд на двадцать. Я тем временем достал из кармана галифе трофейный «парабеллум» и поднял руку так, чтобы старлей заглянул в дырочку ствола. Когда с такого расстояния в тебя смотрит ствол, страшно становится, ощущение, что это не пистолет, а по меньшей мере пушка. Ротный сник, он больше не орал и не ругался. Покрывшись потом, он только злобно смотрел на меня исподлобья и сопел.

– Командир, успокойся уже, говорю же вроде по-русски, устали люди после боя, ну чего ты прицепился? Нечаев вот был с нами на штурме дома, так первым делом попросил меня ему такую же сбрую сшить, а ты где бывал?

– Я тебе это так не оставлю, – прошипел ротный и, развернувшись, направился к двери. Я быстро поднял пистолет командира и окрикнул его:

– Товарищ старший лейтенант, оружие обрости. – Хорош гусь, так разъярился, что табельное прокакал. Ротный словно ужаленный подпрыгнул, развернулся и протянул руку за пистолетом, а я, блин, ну вот не сдержался.

– Аккуратнее нужно быть, товарищ командир, – выщелкнув магазин и передернув затвор, отдал ротному. Тот аж покраснел от злости, а я еще и патрон поднял и также протянул командиру.

Ой не простит мне этого горец, ой не простит. Ну что у меня за натура? То грублю, то оружием угрожаю. Кстати, этого как раз никто не видел. Петя Курочкин, что был у меня напарником на зачистке дома, вышел из комнаты тогда, когда я второй раз получил по роже. Так что он видел, как меня бил старлей, а вот пистолета и угроз с моей стороны он не застал. Надеюсь, меня не просто кончат, а еще и разбор устроят. Там, глядишь, штрафной ротой отделаюсь.

Все вышло для меня намного лучше, чем я ожидал. Буквально через час начался ад. Немцы ударили по нашему дому, наверное, из всех стволов разом. Убитых перестали перетаскивать и считать уже через пять минут. Головы было не поднять, а снаряды то и дело лопались и дом содрогался. Несколько «подарков» залетели прямо в пустые оконные проемы и лопнули

внутри комнат. Если в помещении были люди, то их придется соскребать со стен. Меня тоже пометило, выбило кусок кирпича и им садануло по многострадальной щеке. Выматерившись, я как рак задом выполз на лестничную площадку. Тут уже было довольно тесно, бойцы прятались, куда могли.

– Мужики, в прямые квартиры ныряйте, там не достанет. – Бойцы бросились в дверные проемы, толкаясь и отпихивая друг друга. Я, чуть передохнув, крикнул Петра.

– Петруха, брат, ты где? – Я оглядывался, одновременно пытаюсь протереть глаза от поднявшейся пыли.

– Тута я! – раздалось сверху.

– Ты чего туда залез-то? – удивился я.

– Так к радиации побежал, радист на связи сейчас, у нас координаты требуют, для ответного огня.

– А где мы их возьмем? – еще больше удивился я. – Пусть наш домик берут за ориентир и прибавляют метров двести-триста, кажется, там они накапливаются. Орудия нам у них все равно не выбить, а вот тех, кто готовится к атаке, да, может, еще и корректировщика, снять можно.

Крича напарнику все это, я даже не заметил, как кончился обстрел. Блин, только бы успеть парней вернуть к окнам, надеюсь, что немцы не станут долбить артиллерией, когда свои могут попасть под огонь.

– Ребята, на позиции, бегом, – проорал я и закашлялся. Наглотался пыли, вот и крутит меня теперь. То из одной, то из другой квартиры начали появляться бойцы.

– Занимайте места, согласно купленным билетам, – я сам бросился вниз, ко входу в подъезд, проверить, как там у нас пулеметчики. Одного бойца серьезно зацепило. Один из снарядов практически попал внутрь подъезда, лопнул у входа. Первый номер живой, пулемет тоже не пострадал, а вот подносчику прилетел осколок в плечо. Плечо у парня было разворочено знатно, комиссуют теперь, такое не застает. Руку бы только не отрезали, а с войной для него покончено.

– Петь, давай тут сам, когда еще лейтеха вернется, – обратился я напарнику, вернувшись в квартиру на втором этаже.

– А ты куда? – удивился парень.

– Надо остальных проверить, что там в других подъездах. Я там командиров видел, сплошь молодые, только с курсов.

– Так пошли кого-нибудь, в чем проблема?

– Петь, послать могут только меня, далеко и надолго, я такой же, как все, рядовой боец...

– Видел я, как этот рядовой боец фрицев штабелями складывает, без выстрела.

– Забудь, это из-за страха, боюсь, вот и убиваю прежде, чем меня смогут, у многих вообще опыта ноль, только призвали. Пойду я, а ты давай, смотри в оба. Как полезут, издали не стреляйте, подпустите метров на сто, а потом долбите. Во весь рост не вставать, а, ладно, сам не маленький уже.

Я побежал наверх, надеясь перебраться в соседний подъезд. Снарядами серьезно разворотило еще и третий этаж, так что пришлось потрудиться, пробираясь через завалы. В одном месте ногу придавило куском стены, случайно облокотился, а он и накренился, хорошо полностью не зажало, выбрался. Во втором подъезде насчитали шесть убитых, а раненых было больше десятка. Командир взвода, что был тут за главного, оказался старшиной, с седыми усами, этого учить только портить. Спросил его, нужно ли помочь чем, старшина ответил, что все есть, бойцы заняли позиции и готовы.

В третьем подъезде командир, младший лейтенант, был ранен. Рука на перевязи, но храбрится и рвется в бой. Хоть и молодой, но отчаянный парень. Попросил его, глядя в глаза:

– Командир, на рожон не лезь. Сами будут приходить, вот тогда и вали их тут, одного за другим. Командиров мало осталось, так что...

Договаривать не стал, тот и сам все понял и кивнул. Как-то в бою прокатывает мое обращение к командирам, главное, в затишье про устав не забыть. Я перелез через стену, в поисках пути в последний подъезд, но чуть не рухнул с обвалившейся стены. На месте четвертого подъезда лежали только кучи битого кирпича и куски перекрытий. Вот блин, тут же человек двадцать было, а может, и все тридцать. Надо подвалом пройти, может, внизу кто уцелел и помощи ждет. Почему сразу не пошел через подвал? Так там заминировано все, растяжек сам же и наставил.

Спустился в подвал в третьем подъезде и осторожно пробрался через два проема, в которых стояли растяжки. Хорошо, что не сработали от тряски. Выход в подъезд тут был, а также два бойца сидели и курили возле пулемета.

– Здорова, а мы тут, похоже, одни остались. Дверь не открыть, завалило всё, – произнес один из бойцов, державший в зубах самокрутку, а руками протирает затвор от пулемета.

– А чего к соседям не идете, здесь-то чего теперь охранять? – спросил я удивленно.

– Так нам запретили. Командир сказал, что в подвале все заминировано, мы и сунуться боимся. Как-то не хочется на своих же минах подорваться.

– Ну, берите свое имущество и пойдем. Не знаете случайно, сколько у вас народу тут было?

– Тридцать пять бойцов, с командиром, лейтенантом Пантелеевым. А как мы по подвалу пройдем, мины-то ты, что ли, снимешь?

– Да нет, просто перешагнем и пойдем дальше.

– А ты не боишься? – удивились бойцы.

– А чего там бояться? Я же их и поставил. – Ой, на фига я это сказал.

– Так ё... мать, мы тут из-за тебя сидим?

– Э-э-э, мужики, а кто бы вас снизу прикрыл? Я же для всех старался! – Несколько секунд в подъезде раздавался отборный мат.

– Ладно уж, старатель, води давай, да смотри, не подорви нас! – бойцы засмеялись. Редко увидишь тут улыбки, особенно в такие моменты, когда где-то над нами в развалинах тридцать солдатиков лежат, заживо похороненных.

Бойцы не остались в третьем подъезде, а пошли со мной к первому. Когда почти выбрались из подвала, началась стрельба.

– Слышь, сапер, мы тут на выходе и ляжем, – предложил первый номер расчета.

– Там есть, кому лежать, – пошутил я, – пойдемте выше, найдем вам точку. Я когда через верх лез, видел хорошие завалы. Да не думайте ничего плохого, крепко там, не завалит, обещаю, а вот укрыты будете хорошо.

– Сань, ну чего там? У нас уже гости лезут вовсю, – спросил Петруха, когда мы столкнулись с ним на втором этаже.

– Да жопа там, четвертый как корова языком слизнула. Вот два бойца при пулемете только и остались.

– Хреново, там ведь целый взвод был.

– Больше, говорят, тридцать пять человек, а так да, хреново, – я поднялся вверх, ведя за собой бойцов. Подыскав им местечко с неплохим обзором, вернулся к Петру.

– Ну, как тут у вас? – выглянув в окно, я задал вопрос напарнику.

– Да сунулись было из-за вон того дома, – Петя указал на такой же четырехэтажный дом, что и наш, который стоял на другой стороне улицы, в сотне метров от нас.

– Вы стреляли?

– Из второго, я думаю, долбанули, рядом где-то. Мы не стали.

– Правильно, нефиг все позиции светить раньше времени. Как думаешь, с техникой сунутся? – спросил я о насущном.

– Если дом им и правда нужен, то вполне могут.

Немцы пошли без танков, но выгнали БТР и установили два орудия, прямо между домами, что были перед нами. В одном из домов в окнах показались головы в касках, и на нас уставились сразу четыре пулемета. Блин, нас сейчас убивать будут, так и сказал Петрухе. Тут раздались голоса в подъезде, и мы отвлеклись.

– Иванов, ты живой? – услышал я от дверей и увидел Нечаева.

– Да нас и ломом хрен убьешь, вы, товарищи командиры, вернулись удивительно вовремя, – я указал себе за спину, подразумевая фрицев на позициях.

– Нам тут продержаться пару часов, подойдет подкрепление, и пойдем к вокзалу. Там первый батальон помогает НКВДэшникам вокзал взять.

– Вот это, блин, порадовали, товарищи командиры, нам тут бы для начала выжить, а вы уже наперед заглядываете. Ладно, пойду, местечко себе подберу, Петро, ты со мной?

– А куда я от тебя денусь-то? Товарищ командир, разрешите?

– Да идите уже. Слышь, Иванов, ты, помнится, винтовку с оптикой хотел?

– Да, – у меня глаза загорелись, – еще как хотел!

– Ну и хоти дальше. Комполка сказал, нету у нас винтовок снайперских...

– Грех смеяться над больными людьми, – произнес я, видя, что этот гад, командир, издается надо мной.

– А вот двух стрелков из дивизии мне дали. С винтовками, разумеется.

– Вот это другой разговор, где они? Я им место покажу знатное...

– Внизу, осматриваются.

У подвала я столкнулся с двумя мрачными, как сама жизнь, бойцами. У одного в петлицах четыре треугольника, у второго два. Перекинувшись парой фраз, отвел их наверх и показал завал на третьем этаже.

– Как вам местечко? – Старший по званию присел на колени и, достав бинокль, осмотрел округу.

– Пойдет, уходите отсюда, вам и внизу работы хватит, не надо привлекать внимание противника автоматическим огнем.

– Как скажете, уважаемые, – я ретировался, но не вниз, а перелез во второй подъезд, там у нас два расчета с ПТРС сидят.

– Эй, бронехалтурщики...

– Это еще что за... – полетело мне в ответ.

– Спокойнее, спокойнее. Вы чего же тут отдыхаете, извольте спросить? – это я пристал к расчету одного противотанкового ружья.

– Так нет же танков-то, чего нам патроны тратить, их всего сорок штук.

– А что вы сможете супротив танков-то?

– Ну, гусянки посбивать, повернуться удачно, так и зажечь можно! – отвечал мне первый номер, стрелок то есть.

– Мужики, вы, блин, как не свои прямо. Вон же БТР вылез, ну так и проткните его к хренам собачьим.

– А нас тут из орудий и похоронят заживо, – был ответ.

– Так, мужики, вас, блин, два расчета, щит у пушки ваш снаряд не задержит, расхреначиваете орудия, потом БТР, все ясно? – я придал голосу командные нотки, и бойцы подобрались.

– Попробуем... – ответил все тот же стрелок, а дом в этот момент содрогнулся от первого попадания.

– Давайте, ребятки, а то они нам сейчас здесь свежих мертвяков наделают! – выругался я и убежал.

Вернувшись к лейтенанту, доложил, что бронбойщики готовы, если отработают, как надо, эту атаку мы сдюжим.

– Слушай, а ротный здесь был? – вдруг спросил Нечаев.

– Это такой гордый горэц? – спросил я, имитируя кавказский акцент.

– Значит, был. Чего же он, дурень, в тыл-то побежал во время обстрела?

– Да кто его знает, нервный он какой-то, – ответил я.

– Был... – произнес лейтеха, а я застыл.

– Как это – был?

– Да вот так, снаряд, видимо, рядом рванул. Между домами видели, когда сюда шли. Весь переломанный, вряд ли долго мучился, – покачал головой Нечаев.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день! – только и смог произнести я. Ну надо же, как вовремя-то. А и фиг с ним, тут бойцов жалеть надо, а не говно всякое, что из себя генералов корчит. Теперь еще и наградят посмертно.

– Пошел я, увидимся...

Первую атаку мы отбили довольно легко. Командир назначил штатного бегуна, паренек лет восемнадцати, бегал из подъезда в подъезд, узнавая новости. За всю первую атаку только семеро раненых, причем легко. Мы же выбили у фрицев по два расчета на каждом орудии, зажгли БТР и постреляли человек двадцать пехоты, фигня. Пока выдалось затишье, решил переговорить с командиром.

– Лех, можно с тобой начистоту? – спросил я у взводного, пока оставались наедине.

– Говори, – кивнул Нечаев.

– Ты ведь все про меня пишешь, так?

– Я про всех пишу, про себя тоже.

– А докладывал уже? – спросил я в надежде.

– Вот тут, – командир, расстегнув барсетку, тьфу, планшетку, достал тонкую тетрадь в линейку, – конкретно о тебе, держи, – взводный протянул мне тетрадку и поморщился.

– Давай так, если я что-то сделаю не так, приказ не выполню или еще чего, тогда отдашь куда следует, лады? – предложил я, но реакция командира мне понравилась и, если честно, удивила.

– Это подло. Я собирал сведения по тебе, потому как не знал тебя толком. Теперь же я все равно не смог бы заставить себя отдать тетрадь osobistam.

– Это почему? – удивился я.

– Потому что меня первого и взгреют! Хорош командир, если им простой боец вертит, как хочет, – улыбнулся Нечаев, а я вдруг его понял. Ведь если он доложит, как было дело, меня у него заберут и начнут крутить, много знаю, много умею, говорю не так, командиров себе подчиняю, а ему влетит по самое не балуйся.

– Ясно, помнишь, ты просил меня не говорить, что я машину водить умею?

– Конечно, и я благодарен тебе, что ты остался со мной, хотя на том берегу явно безопасней.

– Я тебе просто скажу, хочешь пожить подольше, держи меня при себе, прорвемся как-нибудь. – Вот, вроде и сказал что-то, а вроде и не говорил.

– Ты что-то такое знаешь, чего не знает никто, – задумчиво проговорил командир.

– Возможно, возможно, – покачал головой, я соглашаясь.

– Сань, а ты вообще откуда? Ну, родом?

– Командир, ты же читал выписку военврача, ну не помню я ничего, вообще!

– А воюешь как будто не в первый раз, – заметил Нечаев.

– Так соображаю быстро, вот и получается, сам порой удивляюсь, как что выходит.

– Выписку-то я читал, потеря памяти вследствие контузии, но все равно непонятно как-то.

– Надеюсь, пройдет, так вообще-то доктор обещал.

– Ладно, надо бойцов накормить, пока тихо, да готовиться к новой атаке.

– Я думаю, что надо всех в подвал спускать, – произнес я задумчиво.

– Думаешь, артналет повторят? – взглянул на меня лейтеха.

– Да как бы ни авиа, – произнес я, и мы дружно полетели на пол. Бомба взорвалась совсем рядом с домом, и стены задрожали как бумажные. – Как же мы не услышали-то, все вниз! – заорал я и первый рванул на лестницу.

Собирая бойцов, мы под грохот рвущихся бомб спускались в подвал. Когда за последним, а это был командир, закрылась дверь в подвал, в подъезде что-то грохнуло, и мы поняли, что подъезда больше нет.

– Все к выходу, через подвал идем, на улицу не вылезать, здесь нас вряд ли достанет, – командовал лейтенант.

– Командир, я к остальным сбегаю, может, не всех еще положили? – я рванул по подвалу чуть не бегом, растяжки-то никто не снимал, но я знал, где они стоят. Снял по пути все четыре штуки, заглянул во второй подъезд, бойцы лежали у пулемета, покуривая одну на двоих.

– У вас живые есть? – крикнул я мужикам, те аж подпрыгнули.

– Ну тебя к чертям собачьим, рывкаешь как из-под земли! – обругали меня бойцы. – Вон на первый этаж все спустились, а что?

– Позовите командира, – я присел рядом и тоже принялся скручивать сигарку.

– Кто звал? – раздался голос старшины, что рулил тут взводом.

– Я это, боец Иванов, – ответил я и с чувством затынулся.

– Чего у вас случилось?

– Да так, подъезд наш расхреначили, командир послал узнать, как остальные.

– У нас только два этажа осталось, третьего уже нет, слышишь, – старшина поднял голову и указал рукой вверх, – вон как долбят, суки.

– Ладно, передам командиру, может, к вам придем.

– Добро! В третий пойдешь?

– Конечно, надо узнать, чего там у ребят.

– Давай, на обратном пути загляни, расскажешь ребятам, они мне передадут.

– Хорошо, – кивнул я и побрел дальше. В подвале наткнулся на Петра.

– Петь, ты чего тут? – удивился я.

– Да тебя ищу, сбежал, а меня не позвал, – чуть обиженно ответил напарник. Хороший он парень, прилип уже ко мне. Говорит, что со мной не так страшно.

– Ну, пойдем вместе, – махнул я рукой, показывая дорогу.

Третий подъезд был в порядке. Им досталось меньше всех, так что хоть и сидят сейчас все внизу, но хотя бы все бойцы живы. Переговорив с их командиром, отправились назад. Кстати, а бронебойщикам хана, выходит. И снайперов не видел, неужели всех завалило там, наверху. Еще раз обойдя всех оставшихся в живых, спросил и о тех, и о других в подъездах. Оказалось, ПТРщики живые, а вот снайпер остался только один. Второго, и самого опытного, накрыло, когда он спускался по лестнице. Зато второй стрелок прихватил его винтовку, которую я у него и выпросил, обещая, что после того, как здесь закончим, отдам снайперу ее для отчета.

Повертев в руках винтовку Мосина с коротким оптическим прицелом и не найдя повреждений, открыл затвор.

– Слышь, браток, а вы патронами специальными стреляете? – задал я, казалось, резонный вопрос.

– Все специальные еще до войны расстреляли. Пулеметными кормим, но она не привередливая. Пристреляна, кстати, на триста метров, Михалыч всегда ее так пристреливал, если прицел сбивал, а так добрая винтовка.

Я вытащил и осмотрел один патрон, да, и правда, на вид совсем обычный, его бы шлифануть слегка. Гонят на заводах вал, качество вообще забросили. Пойду, патронов наберу, был у нас там цинк вроде, у некоторых бойцов винтовки, так что без патронов не останусь.

Насыпал себе в кармашек на сбруе штук пятьдесят, патроны были не в пачках, поэтому даже количество не считал.

– Петро, пойдем, повоюем, – я передал бинокль напарнику, и мы двинули наверх во втором подъезде. Рядом с одним из окон рванул снаряд. Нас обдало жаром и каменной крошкой, но мы шли дальше.

Артиллерия настоящих арийцев долбила добрых пятнадцать минут, а дальше мы услышали трель свистка. За это время мы прикинули ориентиры.

– Внимание, Петь, помнишь, как я тебе объяснял, что говорить?

– Ага, ориентиры ты сам считал, буду называть только место, где вижу врага, и говорить дистанцию, – отчеканил Петруха, а я кивнул. Я наметил ориентиры и прикинул примерное расстояние до них. Так как тут вокруг все близко, надо будет брать пониже, винтовка пристреляна на большее расстояние. Решил я отстрелять самых прытких немцев. Помню по рассказам бывалых стрелков, что хороший снайпер может много чего натворить на поле боя. Но это снайпер, я-то и не стрелял из такой винтовки ни разу. Но почему-то упорно считаю, что получится.

К окну решил не подходить, буду стрелять из глубины комнаты. Тут как раз комод какой-то уцелел и стол вполне крепкий, вот и улягусь здесь. Быстро с Петрухой переставили мебель поудобнее для меня, и я расположился. Накрутив ремень на ладонь, зафиксировал винтовку, вроде удобно.

– Петь, давай внимательно. Главное, отыщи мне побыстрее пулеметчиков и офицеров, у тех форма отличается, да наверняка в фуражках будут.

– Так вон один, за углом дома справа, тьфу ты, – выругался напарник, – ориентир два, левый угол, двести, офицер, – вспомнив, как я просил мне докладывать о целях, Петро исправился и выдал скороговоркой именно то, что я и просил.

– Вижу, работаем! – Винтовка сильно толкнула в плечо, и сам я отвлекся, но выручил Петя.

– Сань, левее ушла и далеко за немцем! – Ага, значит, еще пониже и правее возьму. Второй выстрел, затвор назад, вперед, готов к следующему.

– Теперь прямо перед ним попал, черт, он убрался, понял, видимо. – Сам уже вижу, что убрался.

– Петь, смотри еще, а то мы так и будем за одним охотиться.

Следующим был пулеметный расчет. Поставив пулемет на остов сторевавшей машины, вроде «эмку» напоминает, два наика принялись поливать наш дом свинцом. Где-то за стеной раздался выстрел из «мосинки», странно, что в общей какофонии стрельбы я вообще услышал этот звук.

– О, кто-то пулеметчика завалил, – крикнул Петя.

– Это наверняка наш оставшийся снайпер работает, он и второго сейчас приземлит, ищи еще цели.

Офицер все-таки не удержался и выглянул снова, а я уже понял, благодаря двум промахам, куда нужно целиться. Чуть повернув ствол, а то смотрел до этого не совсем туда, я выстрелил и сам же заметил попадание. Точнее, заметил я, как фриц упал, куда попал, конечно, не видел.

– Сань, это ты его?

– Ага, ты не заметил, куда попал? – мне было интересно, просто хотел знать, куда точно целиться.

– Прямо в грудь, он аж отлетел.

– Так, а наводил чуть ниже пояса, да между ног я целился, между ног, – усмехнулся я, – ну падлы, кто вам теперь свистеть будет? Рефери я вашего удалил с поля!

– Это ты сейчас с кем тут разговаривал? – уставился на меня напарник.

– А, не бери в голову, есть тут один, умный человек, с ним и говорил.

– Это ты про меня, что ли? – не понял Петро.

– Не-а, про себя любимого, цели ищи давай, сейчас какой-нибудь унтер на себя командование примет, если других фуражноносцев не окажется.

– Вроде есть такой, в смысле вон один в каске, руками машет, что-то орет вроде. Ориентир один, влево десять от пулемета.

– Вижу. – Выстрел, второй. – Черт, патроны кончились. – Открыл затвор и заталкивал патроны. Черт, неудобно с прицелом-то.

– А ты опять попал, уже двоих к их фашистским богам отправил.

– Ага, у них и на пряжках про это пишут, – кивнул я, закрывая затвор.

– Чего пишут? – спросил, заинтересовавшись, Петя.

– С ними бог, там написано, не видел?

– Да я по-ихнему не понимаю, – сокрушенно ответил напарник.

– Да и я немногим больше твоего, – я искал, в кого бы выстрелить, чтобы поважнее цель была, но тут вдруг стало как-то жарковато.

Из-за двух домов, что располагались на другой стороны этой улицы, вдруг поднялись немцы и бегом припустили в нашу сторону.

– Они там, чего, шнапсу приняли, что ли? – пробубнил я и начал стрелять. Из пяти следующих выстрелов я попал дважды. Одного точно наглухо, второй поживет еще, если вытащат, а... нет, не поживет. Кто-то попал в лежащего немца, и тот, замерев, распластался на земле. Из нашего дома начали стучать выстрелы автоматов и трофейных пулеметов. Немчура сначала начала валиться, а потом, видимо сообразив, что их тут нагло убивают, залегла. Мне было очень удобно стрелять сверху вниз, в лежащие и пытавшиеся укрыться тела врагов. Спрятаться посреди улицы было особо негде, если только за кучи битых кирпичей, что были вокруг, поэтому фрицы ховались кто куда мог, ну я и начал шмалять. Расстреляв еще полтора десятка патронов, с уверенностью могу заявить, что убил минимум пятерых. Когда наши сбавили темп стрельбы, наверное, перезаряжаться начали, неприятель начал вставать и, развернувшись, помчался назад.

– Вперед, за Родину, за Сталина! – услышал я призыв и почему-то спрыгнул со стола и помчался к лестнице. На ходу вешая ремень автомата на шею и дергая затвор. Винтовку я оставил в комнате, толку в атаке от нее немного будет.

Что меня так зацепило? Сам не знаю. Ладно местные, они с именем этим ложатся, они с именем этим встают, а я-то дурень куда рванул? Да, голос у Нечаева точно командирский, далеко пойдет, если не убьют прямо сейчас. Ведь это именно его призыв поднял всех в атаку. А главное, мы ведь реально прошли.

С ходу захватив оба дома напротив, за которыми немцы накапливались для атаки на нас, мы, сломив совсем небольшое сопротивление врага, обратили остатки фрицев в бегство. Во дворе одного из домов были оборудованы позиции для двух минометов, вот откуда эти суки нас минами забрасывали, а ведь нам их с прежних позиций ни за что бы не достать было. Теперь у нас есть два миномета, с запасом мин, все лучше и лучше нас снабжают немецкие интенданты. Мы пришли сюда практически нищими, а теперь богаты, как крезы.

– Сань, живой? – услышал я первые после этой дикой атаки человеческие слова.

– Да вроде, только вспотел, как колхозная кляча. – От меня и правда пар валил.

– Видел, как они бежали? Вот так же мы их до самого Берлина и погоним, – взводный сиял как начищенный самовар.

– Слушай, командир, ты хоть предупреждай, когда у тебя голову переклинит в следующий раз, ладно? – я вытер пот и грязь со лба и обнаружил свои руки красными.

– Ты не забывайся, приказ есть приказ. Нам все равно нужно было штурмовать эти позиции, а как удачно получилось, да? Блин, ты чего, ранен, что ли? – только заметив кровь на моих руках, командир закончил с лозунгами.

– Да чего-то я и не помню, чтобы меня ранило, а тут кровь... – я как-то даже растерялся.

– Давай присядь тут, сейчас сестру позову, она там раненых перевязывает.

– Много потеряли? – спросил я, сползая по стенке на пол. Мы разговаривали на бывшем наблюдательном пункте фрицев, тут вон и рация имеется, и даже кровать стоит заправленная.

– Восемь убитых, учитывая плотность огня, это немного. Раненых вот много, каждый второй помечен, кто-то сильнее, кто-то не очень. Сейчас подсчет закончу и скажу, сиди здесь, сестру я пришлю.

Взводный ушел, а мне вдруг так захотелось спать, блин, я тут вообще всегда хочу спать, да еще есть очень хочется. Даже не заметил, как прямо тут и вырубился. Очнулся только от того, что кто-то тряс за плечо.

– Родненький, эй, ты потерпи, я сейчас перевяжу, – писклявый голосок, совсем детский, выдернул меня из сна.

– Да я нормально, сестренка, уснул просто, – я разглядел деваху, господи, кого на фронт берут таких, как мы, таскать, ладно еще я вот небольшой, так и то восемьдесят килограммов вешу, а тут девчонка, лет шестнадцать, маленькая, худенькая, нос крючком, глазницами хлопает да все причитает.

– Как же ты, родненький без каски-то воюешь, нельзя же? – причитала и спрашивала одновременно девчонка.

– Почему без каски, – я и правда удивился, ведь я ж ее почти не снимая таскал. Хотел ощупать голову, но сестра уже занималась перевязкой и мягко так отстранила мои руки.

– Подожди, сейчас закончу.

– Как тебя звать-то, родная?

– Маша. Тебе больно? – она заглянула мне в глаза.

– Да нет, а чего там, на голове-то? – хотелось знать, на фига она на меня бинты переводит.

– У тебя и лоб, и голова рассечена, даже не знаю, чем это тебя так...

– Сань, каска с «девяткой» твоя? – в комнату вошел Петруха, с забинтованной левой рукой. В другой у него была каска. Я давно любимую цифру на своей каске нацарапал.

– Ага, это чего, моя? – Петя протянул мне каску, а я, поглядев на нее со всех сторон, вскинул брови.

– Сам, что ли, проткнул? – показывая на дырку в каске, спросил я у напарника.

– Мне что, заняться больше нечем было? – Петя покрутил пальцем у виска.

– Тоже зацепило? – я ткнул пальцем в свежую повязку на руке.

– Осколок мимо пролетал, зацепил немного, падлюка такая, ерунда. Ты чего каску не застегнул, когда в атаку рванули?

– Да фиг его знает, забыл, наверное, – пожал плечами я. Вот так случай, как бы на этом везение не кончилось. Пуля попала мне в каску и, пробив ее, рассекла голову вскользь, как внутрь не вошла, уму непостижимо.

Девушка-санитар, закончив свои докторские дела, ушла, даже поблагодарить не успел, сидел тут задумавшись, надо будет хоть шоколадку ей подарить, мы у немцев много взяли. «Nestle», кстати.

– Взводный как, посчитал уже людей? – спросил я севшего рядом и достававшего еду Петра.

– Ага, с нашего взвода один убит и один ранен, обоих на тот берег отправили. Во втором взводе, где политрук командовал, трое раненых и тоже один покойничек, остальным меньше

повезло. Мы ведь уже в доме были, когда немец отвечать-то начал всерьез. А те наши два взвода, что соседями по дому были, только еще бежали, вот им и прилетело серьезно. Там уж и минометы долбили вовсю, и пулеметов хватало. Ты, брат, меня напугал даже. Я не сразу вообще понял, куда ты сорвался, выскочил из дома, а ты уже почти досюда добежал. Бегу, смотрю, каска полетела, а ты дальше чешешь, ее подобрал на ходу и за тобой. Только в доме тебя потерял, пока искал, тебя уж тут сестренка бинтовать стала. Ну и здоров же ты, братец, бегать, быстрее пули, наверное, бежал.

– Сам знаю, что дурак, да уж больно Нечаев у нас кричит хорошо, так и хочется быстрее приказ исполнить. – Мы вместе рассмеялись и перекусили.

– Покемарь чуток, пойду, узнаю, дадут нам отдохнуть-то, или опять побежим? – Петя встал и, кивнув, вышел. А я взял и завалился на фрицевскую кровать, нехай ищут, если нужен буду, найдут.

Сколько прошло времени, не знаю. Но как-то даже выпался. Встав с кровати, надо же, сапоги кто-то с меня сдернул, вот молодцы, намотал портянки и влез в стоявшие возле кровати сапоги. Петруха наверняка расстарался, блин, вот ведь Человек, с большой буквы! На столе возле окна стояла банка тушенки и рядом, на клочке газеты лежал хлеб, да свежий, однако. Достал трофейный складной нож, в нем есть консервный нож, и вскрыл банку. Эх, жить – хорошо, а хорошо жить еще лучше. Схозячив почти полбуханки хлеба и вычистив корочкой банку, запил все это из фляги водой. Чего-то опять в сон потянуло, э, нет, пойду-ка командира поищу.

Лейтенант оказался этажом выше, что-то разглядывал в бинокль.

– Здравия желаю! – бодро отчеканил я.

– Чего орешь-то? Да и одни мы тут, не тянись. Как отдохнул?

– Замечательно, а сколько времени?

– Почти три часа дня, – посмотрев на часы, сказал командир.

– Ого, я чего, целых три часа спал и меня никто даже не пнул?

– Да пытались разбудить, да ты как покойник спал. Не шевелишься, не храпишь, вот и оставили в покое.

– Спасибо, товарищ лейтенант, большое человеческое спасибо, – искренне сказал я.

– Нам дали передышку, учли, что мы всю ночь воевали. Комполка по телефону благодарил за то, что домик тот, что ты взял, вовремя захватили.

– Ага, – скорчив рожу, киваю, – взял, да в одиночку полроты гансов смахнул, как крошки со стола, и сижу теперь как герой. Ты чего, лейтенант, очумел, что ли?

– Ладно, мы взяли, так что начальство довольно.

– Ну и слава богу, это же хорошо, когда начальство довольно, – улыбнулся я.

– Вторая рота нашего батальона пошла дальше, если захватят соседние дома, нам вообще хорошо будет. А у первого батальона плохо, они вокзал штурмуют, у них в батальоне ведь тоже уже далеко не полный состав, а гитлеровцы сидят основательно. Разведка у соседей ходила прошлой ночью, говорят, совсем там туго. Несколько раз с фашистами местами менялись. Тут вообще дальше легко не будет. Это сюда немцы большие силы не бросают, экономят, а в двух сотнях метров отсюда танки стоят, вот где сложно-то.

– Прорвемся, командир, не мы, так те, кто за нами пойдет. Всегда так было и всегда так и будет. Кто-то гибнет, кто-то прорывается и побеждает. Сейчас-то нам что делать?

– Курочкин сказал, что это ты немецкого офицера из снайперки положил?

– Да, с третьего выстрела. Потом пристрелялся и еще вроде нескольких «заземлил».

– Вот, а ты спрашиваешь, зачем я тетрадь веду и все про вас записываю. Ты себя слышишь? Откуда у тебя словечки такие, я так иногда тебя вообще не понимаю, как будто и не нашем языке говоришь.

– Извини, Леш, да сами как-то придумываются, я не специально.

– Ты за языком приглядывай, а то уже не я спрашивать буду, – предостерег меня взводный. – Винтовку с оптикой младший сержант Фоменко в полк отнес, но я тебе тут подарок приготовил, ты же говорил, что больно уж тебе хочется с прицелом пострелять.

– Было дело, да и правда интересно. С автомата строчишь-строчишь, попал, не попал, только гильзы звенят, а тут... – я многозначительно вскинул брови, – тут другое дело.

– Сейчас, подожди, – лейтеха вышел, а я сел на стул возле окна. Тут на столе лежала развернутая карта, точнее, командир обстановку зарисовывал. Поглядел, а хреновые у нас дела-то. Стоит фрицам ударить по нам с двух сторон и всё, ладно, если к переправе успеем свалить. Хотя я, конечно, не совсем точен, слева вроде наши соседи хорошо укрепились, вряд ли так просто их пройдут, но если фрицы танки подтянут, тогда да, тяжело будет.

– На, владей! – отвлек меня голос Нечаева. Развернувшись на стуле, уставился на командира.

– Блин, командир, вот это подарок! – я восхищенно вытаращил глаза. Взводный держал в руках немецкую винтовку с оптикой.

– Держи, говорю, чего глазами хлопаешь? Эту никто не заберет, я ее на взвод записал, теперь твое оружие.

– Слушай, командир, но я ведь не снайпер, этому учиться надо! – сомневаясь в своих возможностях, сказал я.

– Вот и учись, я тоже первый день в бою взводом командую, не плачу же!

– Как прикажешь, – взял винтовку в руки и стал разглядывать. – А где хозяин этого ствола?

– Ее в квартире наверху нашли, там же трупик свеженький, весь такой в пятнистой одежде, ботиночки хорошие, и головы почти нет, гранату кто-то кинул.

– Кто прибрал? – спросил я, понимая, что наши хрен пройдут мимо хороших вещей.

– Да разобрали кому что, только оружие принесли.

– Да, от ботиночек фрицевских и я бы не отказался, удобные они у немцев.

– Ну-ну, хватит тут нашу советскую обувь хаять, – улыбаясь, проговорил взводный. – Иди оружие осмотри, пристреляйся, патронов мы немецких много захватили.

– Да я вон ленту от МГ сейчас распотрошу себе в сидор, мне надолго хватит. – И я, подхватив винтовку, вышел из квартиры.

Не успев спуститься вниз, натолкнулся на Петруху.

– О, Сань, проснулся? – бодренько так спросил напарник.

– Да. Спасибо, брат, за еду, очень вовремя.

– Да ладно, я же понимаю, ты устал... – смущенно ответил Петя.

– Петь, ты чего? Вместе же воевали, чего ты меня все выделяешь? – И правда, чего-то Петро меня все хвалит и хвалит.

– Так ты вон как знатно воюешь! – продолжал петь дифирамбы напарник и прятал глаза от смущения.

– Пе-тя! – сказал я, уже не улыбаясь.

– Извини, Сань, – напарник замолчал, но через пару секунд выпалил: – Ты же меня спас там, – Петя махнул рукой себе за спину, – меня бы уже не было тут.

– Когда это, о чем ты вообще? – я совсем растерялся, не понимая, о чем говорит друг.

– Когда переправлялись, бомба рядом с баржей упала, помнишь, меня выкинуло тогда, а я плавать не умею. Ты же меня вытянул, что, забыл, что ли? – Ах, вон он о чем. Честно говоря, я и не заметил в темноте, кого я тащил. Было дело. Баржу взрывной волной в скулу шлепнуло, а парень на ногах стоял, вот и полетел за борт. Мне тогда даже прыгать не пришлось, он рядышком бултыхался, я свесился за борт и вытащил его. Блин, там так страшно было, что я забыл об этом сразу, а парень-то впечатлился, оказывается. То-то я думаю, чего он за мной

так ходит, помогает, жрать вон притащил и буквально в рот заглядывает, когда я что-нибудь говорю.

– Братуха, забудь ты это. Я же не видел даже, кого вытаскивал, да и любой бы так сделал на моем месте.

– Да вот никто кроме тебя и не кинулся ко мне. А знаешь, как мне от этого страшно было? Меня в детстве дед плавать учил, в пруд швырнул, а я камнем на дно, ну боюсь я воды, не могу себя перебороть. Как оказываюсь в воде, на меня просто паника нападает, не знаю, что делать.

– Вот немчуру расхреначим под орех, сам тебя научу. Слово даю, не надо воду бояться, вода это жизнь.

– Как скажешь, только я все равно утону, боюсь я.

– Эх, вояка ты хренов. Пошли давай, надо мне трофей пристрелять, видишь, какую мне «цацку» командир подарил? – я показал парню немецкую винтовку.

– Ты глянь, сколько тут крестиков на прикладе! – удивился Петро. А я-то, к моему стыду, и не заметил, хотя я ее не особо и разглядывал.

– Затрем сейчас, а скоро звездочки царапать будем, договорились?

– Конечно, – улыбнулся напарник, и мы двинулись к выходу из дома.

Винтовка оказалась в полном порядке. Надо отдать должное немчуре, классная винтовка. На двухстах метрах я спокойно посшибал все банки, что мы с напарником установили для пристрелки. Я, конечно, выпустил для начала пяток пуль, просто чтобы понять, куда она вообще стреляет, а вот затем уже начал стрелять по мишеням. Петруха так и продолжал всячески мне угождать, я даже поругаться хотел, но после повторной нравоучительной беседы тот вроде успокоился. Раньше бой был, некогда ему было думать о таком, а сейчас, на отдыхе, парнишка «поплыл». Просто Петро предложил мне мой автомат таскать, дескать, у тебя винтовка, тебе тяжело будет, вот я на него и «набросился».

– Петь, если не прекратишь так себя вести, я доложу лейтенанту, нехай тебя в другую часть отправят. Мне напарник нужен, а не почитатель, я не девка. А оружие свое сам таскать буду, вот на позиции будем лежать, там да, поможешь, а сейчас прекращай, я тебе всерьез говорю. – На этом и договорились. Отличный он парень, да и не один он, все здесь хорошие и добрые люди, кто из них виноват, что война их перековала?

К пяти вечера с нами связались из штаба полка и, потребовав у взводного отчет по потерям, приказали ждать команду «фас». Ну, сигнал о нашем выдвижении в сторону вокзала. Там первый батальон сейчас рубится, немцы их опять выбили из здания. Где-то рядом сражаются, задница там полная. А наш батальон должен, прорываясь к железнодорожному вокзалу, освободить центр города, дома попутно чистить будем, вот так. Бой на встречных курсах, немцы к Волге, а мы от нее.

Взамен погибшего ротного нам не прислали никого. Так как Нечаев оставался единственным командиром на все остатки трех наших взводов, лейтеха из третьего взвода получил еще одну пулю и его отправили на тот берег в санбат, нашего лейтенанта и поставили рулить остатками роты. Меня он поставил на свой бывший первый взвод старшим. Да, должен быть командир, да где его сейчас взять-то? Вот наступит затишье, или нас отведут назад, то там или нового ротного назначат, или утвердят Нечаева, а на взводы могут новых лейтех прислать.

Я решил немного похулиганить и попросился у командира погулять. На самом деле, недалеко так, через дом от нас всего. Там просто домик удачно расположен, с верхнего этажа я смогу немцев разглядеть, да и пострелять их немного.

– Петь, видишь, где эти суки окопались? – мы находились в развалинах третьего этажа одного из домов, что одной стороной выходил на позиции немцев.

– Ага, смотри, еще один в фуражке показался, – Петя в бинокль рассматривал позиции немцев.

– Вижу, а давай-ка снимем этих, петухов напыщенных, совсем страх потеряли.

– Так заметят и минами накроют! – логично заметил напарник.

– А мы сначала этих офицеров уберем, а потом оба расчета, что позиции только что себе оборудовали.

И началось. Я отстрелял три полных магазина, когда на нас посыпалось... даже и не знаю что. Грохот был такой, думал, обделаюсь. Те развалины, в которых мы находились, разлетались как бумага. Петя оклемался вперед меня и, схватив меня за руку, потащил вниз. И развалины, и заодно весь второй этаж разлетелся в щепки. Мы с напарником отсиживались в подвале и думали только об одном, вылезем ли мы после такого обстрела. Немцы как-то уж очень расстроились из-за уничтожения минометчиков и двух офицеров, долбили артиллерией минут тридцать, мы с Петей напрочь оглохли. Казалось, каждый снаряд разрывался прямо рядом с нами. Дом дрожал, но каким-то чудом пока стоял.

– Ха-ха-ха, – вдруг прорвало напарника.

– Братуха, тебя что, приложило, что ли? – испугался я.

– Да вспомнил, как фриц с ноги на ногу прыгал, когда ты ему в задницу попал.

– А на фига он ее выставил? – я и сам засмеялся. Один солдат из расчета минометчиков вжался в землю так, что я видел только часть его спины, выстрелил, оказалось, что попал прямо в «седло», как он орал, как крутился и подпрыгивал, пока в шоке был, позже-то упал и, покатавшись чуток по земле, затих. Обстрел помешал нам досмотреть эту картину, уж и не знаю, сознание потерял или сдох. Когда закончился обстрел, мы, блуждая по подвалу в темноте, внезапно завернули в какой-то закоулок и обнаружили дыру в углу дома. Видимо, немцы стреляли по всему дому, а не только по верхним этажам. Выбравшись из этих катакомб, охренели. Мы оказались на той стороне дома, что была обращена к врагу. Пока бежали и прятались за угол, немцы немного постреляли, но повезло, не зацепили.

Взводный дал нам транды за то, что растревожили фрицев, но его осадил политрук, сказавший, что красноармейцы, да еще и гвардейцы, должны бить врага в любое время дня и ночи.

– Нам к вокзалу выдвигаться, а они тут все это дерьмо разворошили! – ругался Нечаев.

– Ладно, командир, нам ведь левее нужно, может, проскочим, пока здесь заварушка.

Через десять минут все были готовы, взводный, а теперь уже ротный, всех давно поднял, только нас и ждали. Промежуток между двумя домами пришлось преодолевать на пузе. Немцы хоть и не заметили пока наш маневр, иначе бы уже с дерьмом мешали, но мы видели отдельных солдат, осматривающих окрестности. Кругом были завалы из различного строительного мусора. Битый кирпич, какие-то расщепленные доски и грязь, кругом грязь. Ползти по битому кирпичу то еще удовольствие. У меня винтовка в руках, Петруха тащит наши с ним автоматы. Ползти мне нужно особенно аккуратно, чтобы прицел не сбить, я только к нему пристрелялся. Вообще немецкая винтовка оказалась чудо как хороша, звук запираемого затвора – бальзам на уши, особенно после услышанного мной в первый раз лязганья «дегтяря». Понятно теперь, почему янки до двадцать первого века лучшие свои винтовки делали именно с «Маузера». Реально лучше ничего и нет, наверное. «Винчестер» свою «семидесятку» знаменитую делал именно с «Маузера», а «Ремингтон», чуть позже, «семисотую» модель, вообще моя мечта, также с него лепил.

Нам удалось двумя взводами пересечь улицу и занять позиции возле очередного дома. Немцы физически не могли быть везде и всюду, даже если и находились в каком-то доме, то очень малым составом. В этом доме, к которому мы приползли, было всего десяток солдат при одном пулемете. Постреляли их быстро, потеряв взамен только одного бойца, да и то только раненым. Телефонисты тянули полевку, и Нечаев вызвал подкрепление, объяснив, как идти, чтобы можно было обойти позиции противника. К сожалению, нам мало было просто пройти к вокзалу, нужно по пути зачищать те здания, что попадают, иначе нас просто окружат и раздавят.

Ноги уже просто гудели. Башка трещит ужасно, видимо, близкие разрывы снарядов все-таки сказываются. Сидим, курим, ждем подмогу. Почему сами не идем? Так и пошли бы, да впереди две самоходки немецкие стоят, спрятались гады за две подбитые «тридцатьчетверки» и в ус не дуют. Ребята наши сунулись было, да те уж больно стреляют метко, двумя снарядами чуть всех не положили.

– Давай назад, сейчас попробуем артиллерию вызвать, – крикнул мне ротный, проползая мимо. Я передал приказ своему взводу и начал отползать. Артиллерию, ага, ты еще авиацию вызови. Парень по учебнику воевать решил, но делать-то что-то нужно. Подполз Петруха.

– Слышь, командир, я тут четыре гранаты нашел, противотанковые, попробуем?

– Делись, – протянул я руку и охренел от тяжести. Это двухкилограммовая «колотуха» оттягивала напрочь руки, как ее кидать-то?

Не ставя в известность ротного, поползли вдоль дома, что укрывал нас от немецких самоходок. Позвали еще троих бойцов, чтобы прикрыли, если что, от вражеской пехоты. Один был вооружен ДП, двое с автоматами.

– Петь, этот дом, – я указал на стену, под которой мы ползли, – не зачищен, из-за угла нам гранату не докинуть.

– Если мы туда полезем, фрицев набегит как тараканов, – многозначительно заметил Петр. Тут до нас донесся голос кого-то из бойцов, что ползли сзади.

– Чего?

– Командир за нами ползет, зовет тебя, – передали мне.

– Тьфу ты черт, сейчас всю малину обгадит, – развернувшись и медленно проползая мимо своих бойцов, нашел Нечаева.

– Ты куда собрался, кто тебе разрешил? – начал ротный.

– Чего опять кипеж-то поднимаешь? – остановил я его порыв.

– Ты теперь взводный, хоть и рядовой, но командир!

– И что? – не понял я.

– Пошли бойцов, без тебя справятся, кто взводом будет руководить?

– Я, как ты сам только что заметил, рядовой. Поэтому я и приказал, себе, Курочкину и этим троим, чего тебе еще-то надо?

– Отставить, я говорю! – продолжал Нечаев.

– Командир, отстань ради Христа, не заставляй меня нарушать субординацию. Я пойду и... точка. Сколько ты лежать здесь будешь? А если они сюда танки пошлют, так нас здесь и вкатают в землю. Всё, говорю. – Нечаев с открытым ртом остался лежать, а я пополз обратно, но придумав кое-что, обернулся.

– Хочешь помочь?

– Чего удумал еще?

– Изобразите атаку слева, но не лезьте, а мы тут справа и обойдем. Самоходы уничтожим, и вы пройдете, лады?

– Лады! – огрызнулся командир, но двинул к бойцам.

Так, сейчас они там пошумят, а мы и рванем. Объяснил Пете и предупредил, чтобы тот не отставал.

До самоходок мы не дошли. Даже из-за угла не вышли. В том доме, за которым мы укрывались, оказалось слишком много врагов. Немчура устроила нам такую «ответку», что еле ушли, таща раненых и двух убитых. Костерил себя так, что даже ротный проявил слабость и утешал:

– Сань, ну мы же без разведки шли, кто знал, что там такие силы? – горестно вздыхал Нечаев, который и сам пострадал, пулю в руку схлопотал.

– Вот именно! Командир, сдай меня на хрен особистам. Не вздумай даже сообщить, что это была твоя инициатива. Я тут разошелся, решил, что все, выдохлись фрицы, а они нам и навешали. Черт, почему я дом сначала не проверил...

– Ну, всё! Хватит уже плакать! Нет тут виновных. Ты такое понятие, как разведка боем, слышал? – командир уставился на меня, а я вдруг подумал, вот же человек, не равнодушен он ко мне, другой бы сдал не задумываясь, а этот только и думает, как выгородить.

– Лех, я парней положил, ты вон раненый, дело не сделано, а ты все меня выгораживаешь...

Нечаев все равно доложил, что была разведка боем, понесли небольшие потери и отошли назад. Путь преградил трехэтажный длинный дом, в котором укрылись около сотни гитлеровцев, при поддержке танков и артиллерии. Доклад лейтенанта, надо сказать, вышел весьма кстати. С нами на связь вышел командир полка и... похвалил за инициативу. У меня в голове не укладывалось, а Нечаев был бодр и весел.

– Ты не понимаешь главного. Завтра здесь пошли бы еще войска и попали бы как куры в ошип. Ведь еще утром разведчики докладывали, что тут нет никаких танков и большого количества солдат противника. Немцы стягивали сейчас все ближайшие войска на железнодорожный вокзал, вот мы и поперлись не глядя. Комполка пообещал пополнение, а главное, сообщил, что к нам выдвинулись два расчета с «сорокапятками», помогут в случае атаки противника танками.

Я, чувствуя вину, попросил у ротного отпустить меня на разведку.

– Куда ты еще собрался? – недовольно спросил Нечаев.

– Хочу посмотреть, откуда можно эти гребаные самоходы сжечь. Из пушек я имею в виду.

– А-а. Возьми только кого-нибудь, одного не пушу.

– Так с Курочкиным и пойдем, хорошо?

– Давай, осторожнее только.

Время было уже к вечеру, темнело. Фрицы стреляли все меньше, спать хотят, наверное. Мы ползли с Петрухой по развалинам и осматривали каждый закоулок. Я хотел отползти чуть в сторону от занимаемого нами дома, чтобы найти место, где установить орудия. «Благодаря» застройке такое место найти было невозможно. Самоходки стоят не посреди улицы, и чтобы выйти к ним на прямой выстрел, нужно подойти метров на триста, что само собой невозможно. Но это палка о двух концах. Если бы можно было выйти на прямой выстрел с большего расстояния, немчура бы уже сбросила в Волгу все наши войска своими танками. Так что застройка играла на руку и нам тоже.

Мы забрались в подвал одного из полуразрушенных домов и чуть не начали стрелять с перепугу.

– Наши! Бабоньки, это же наши! – Мы, блин, с Петей чуть с ума не сошли от объятий и поцелуев.

– Красавицы, вы нас удавите сейчас! – начал было возмущаться я.

– Родненькие, как же вы сюда прошли, немцы же кругом.

– А вы знаете, где точно? – спросил я.

– Тут их нет, но дом весь разбит, мы боимся наверх выходить.

– Так, Петруха, надо женщин с детьми отсюда выводить, как хочешь, – озадачил я друга.

– Скоро совсем стемнеет. По нашим следам можно пройти, не заметят. – Мы и правда почти весь путь прошли ногами, а не ползком.

– Точно. Тут только от этого дома метров сто – сто пятьдесят пробежать, пригнувшись, а дальше спокойней, там уже наши дома.

– Ребятки, мы боимся, – беседу с нами вела одна и та же женщина, если честно, неопределенного возраста. Просто тут все такие чумазые, усталые и голодные, что вообще не отли-

чить мальчика от девочки и женщину от старушки. Все в каком-то рванье, как не замерзли-то до сих пор? Ну фрицы, ну суки! Придем мы в Фатерлянд, запоете вы тогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.